

Culture, Personality and Education

Мәдәният, шәхес һәм мәгариф

Культура, личность и образование

ON THE ISSUE OF TATAR NATIONAL CHARACTER

Michael Friederich,
Otto-Friedrich-Universität (Bamberg, Germany),
16 Kapuzinerstraße, Bamberg, 960047, Germany,
gilyazov1958@mail.ru.

The article deals with the problem of Tatar national character. The author focuses on Tatar written sources (primarily newspaper and magazine publications) of the early 20th century. Their analysis allows the author to reveal peculiarities of self-description of Tatars during the period. The author reflects on the causes of disagreements and lack of unity in Tatar society, emphasizing the features of the national character and drawing parallels between the phenomena of the beginning and end of the twentieth century. Attention is also paid to regional peculiarities of national character.

Key words: Tatars, Volga-Ural region, Tatar national character, mentality.

At the turn of the 19th and 20th centuries, many representatives of Tatar intelligentsia were engaged in active and passive study and identification of personal characteristics typical for the Muslim population of the Volga-Ural region. Both success and failures attributed to “Tatars” in various spheres of economic activity, as well as for the purposes of cultural enlightenment, were often explained by Tatars themselves through the mentality peculiar to Tatars (*Tatarlarnıy äxvalı xosusijä*) [Beliashov, p. 496].

The belief in the existence of people with their own language, history and culture, originally a nation called “Tatars”, people, who differ from other peoples, served a prerequisite for the “national” character to become the subject of the study.

Much of the credit for spreading knowledge about the history and culture of Tatars, not only among common Muslims of the Volga-Ural region, but also among scholars, belongs to the lawyer and historian Shikhabatdin Mardzhani (1819–

1889)¹. He laid foundations of the Tatars’ historical identity. In the first volume of his comprehensive history of the Volga region and adjacent territories, published in 1880, he identified the knowledge level of scholars of that time as follows:

Formulating it briefly, they know nothing about their own peoples and ancestors (*aqvam vä äslaf*), about <former> residents <of their country>, as well as about their deeds and qualities. None of them knows how many great kings came from their tribes. Due to this excessive ignorance, they call themselves the Nogais (*nuyay*), as did the Sarts <together with them> from *Maverannakhr* (*Maverannakhr – Arab. “On the other side of the river”. It is supposed to be the river Amudaria. (M. K.)*), blindly (*taqlidan*) following them; when they talk to each other, they call themselves that way and believe that they really belong to that people (*ta’ifä*)

¹ An example of the new critical perception of Mardzhani and his voluminous work is the work by Michael Kemper [Kemper, pp. 463–465].

<the Nogais>. Since the Russians (*rusiyä ta'ifäse*) use the name “Tatars” as an insult and humiliation, thus expressing that someone is still inferior to them, some of our compatriots understand that they cannot be Tatars and hate that name. They say: “We are not Tatars, but Muslims!” and they begin to argue. But no, no, and no again! <It’s as obvious as> the difference between the Nile and the Euphrates! Oh, the deluded man: if the enemy of your religion and people (*doşman-i din vä milläten*) does not know you under any other name than “Muslim”, they will certainly use the name “Muslim” as an insult to you! If you are not a Tatar, but not an Arab, not a Tajik, not a Nogai, not a Chinese, not a Russian, not a Frenchman, not a Prussian or a German – who are you then?² [Mardzhani, 1880, p. 6] cited by [Kemper, pp. 456–457].

Here we should not dwell on whether we should consider Mardzhani as the discoverer of the Tatar nation in the understanding of E. Khobsbaum and T. Zinger, it is done in the works of the American historian Iulai Schamiloglu [Schamiloglu, pp. 43–47]. Nowadays it is undeniable and generally accepted that, firstly, it is thanks to Mardzhani the nature of the “Tatar nation” could be explained, and secondly, since the beginning of the 20th century, an increasing number of representatives of Tatar intelligentsia realized the significance of the nation.³

The present study is not aimed at providing a comprehensive time-related definition of the national character of Tatars– it seems to me that it is both controversial and a priori largely unsuccessful. In the future, I would like to present a few points on typical features of Tatars of the early 20th century. These moments, marked mainly by modern Tatar authors, relate primarily to the relations of Tatars with each other, as well as their relations to other peoples. The researchers presenting characteristics of ‘local Tatar population’ are not only residents of the Volga-Urals region, but also those of various regions of Siberia, the Kazakh steppe, Central Asia and the Far East. They depict ‘local Tatars’ differently and the question of ‘the Tatar national character’ is closely connected with the question of problems and issues of the development of the Tatar diaspora.

² A shorter and adapted version of this edition for modern Tatars was reissued in Kazan in 1989 [Mardzhani, 1989, pp. 43–44].

³ This point of view was very clearly formulated by the editor of literary magazine “An” (1912–1918), Akhmadgarai Khasani, who defined the 20th century as the “century of nationalities” (“milliat gasyry”) [Khasani].

Mardzhani clearly indicates that not only “all the people”, but the overwhelming majority of traditional scholars never asked the question about “Tatar people”, or denied the existence of such a national and historically grounded and defined community. Thus, the authors themselves, interested in the Tatar national character, belong to “modernists”. And obviously, they had to reveal the situations and circumstances that, in their opinion, prevented the emergence of the Tatar nation or hindered its self-development.⁴ Thus, the “modernists” of early 20th century clearly differ from Soviet “ideologists of the national [Tatar] movement”,⁵ who in their characteristics of Tatar mentality view positive and heroic aspects as constituting thus partially eroding the boundaries between Tatar (tatarlyk) and Turkic (toreklek) mentality.⁶

Below I present only some of self-characteristics of Tatars, which were mainly used in describing the Tatar national character at the beginning of the 20th century. I join the discussion on controversial points of these characteristics, especially those in the works of post-Soviet authors.

In various articles in Tatar press of that time, selfishness and disagreement, like two sides of a coin, are criticized as interconnected and complementary main character flaws of Tatars:

Each of them considers himself as the most handsome and others as inferior. Everyone believes that it is shameful to serve others and strives to act in his own interests. They <“Tatars”> do a lot to spread their own <personal> glory. This feature is also inherent in Kazan

⁴ Certainly, modernists knew that as a result of criticism of negative features of the Tatar character, they themselves could be condemned as “impeding” the development of Tatars and, as a result, be rejected. They insisted that the reason why they expressed their conviction so confidently was that they were “real Tatars” and therefore wished welfare and prosperity to Tatar people. Nigmat Khakimov substantiated his position in the poem “Beznen tatar” (“Our Tatars”) (1913) the following way: *hich achulanma, tatarny kimseta, dip sez mina / Aitamen bulgan ochen tatar balasy – chyn Tatar. <...> – “Do not be angry with me, thinking, that I am a “hindrance” to the development of Tatars – / I express <this critics>, because I am a son of Tatar people – because I am a real Tatar”* [Khakimov, p. 24].

⁵ For example, the historian and ethnologist Damir Iskhakov was known as “the ideologue of the national movement” (see [Safin]).

⁶ The most outstanding example that I know is a long poem in the form of a historical poem called “Bez kemnar?” (“Who Are We?”) (1998) by a well-known philologist Gumer Sattar-Mulille (Gomär Sattar-Mulille) [Sattar-Mulille, pp. 76–93].

merchants, it is especially strongly developed among those who consider themselves educated [Esterletamak bashkorty].

The internal Tatar disagreements were probably so pronounced that they were reflected in expressions such as “Tatar bashyn Tatar ashar” (“A Tatar will destroy a Tatar”) or “Tatar atasyn satar” (A Tatar will sell his father). The fact that other Turkic peoples do not have similar proverbs is in many ways indicative of the fact that these expressions reflect “typical Tatar” features of character.⁷

There are three reasons for the lack of unity among Tatars: first, egoism, and secondly, different geographical origins that results in local or regional patriotism, and, thirdly, different religious and world outlook orientations.

In Tatar men, egoism vividly manifested itself in the immoral way of life that the critics unanimously condemned. The folk song “Kasimsky Ibray”, which mocks a Tatar man from Kasimov that died from a life of debauchery, indirectly confirms the message of the proverb “Tatar tyra bulsa, chabatasyn tyrga elar” (“If a Tatar becomes an official, he will hang his straw shoes on a place of honour”) (See: [Tukai, p. 164]). It is worth noting that Kasimov Tatars, successful in commerce, were often the object of envy and attacks by other Tatars:

A Kasimovsky Tatar, who once used to crumble bread in kvass and eat it, built a vast fortune, which he imagined only in his dreams, but he did not even know how to use all the money he had. It was superfluous, but since that time they <Kasimov Tatars> began to build huge stone houses of a palace type in villages, arrange horse races, keep horses for triples and indulge in all kinds of immoral actions [Mostakaev, pp. 548–550].

Representatives of Tatars from other regions were also affected by these negative tendencies. Thus, in his memoirs about his stay in Tashkent, Allakhiar Beliashov mentioned one dissident Tatar.

That was a blessed time, <...>. Then it was not necessary to recalculate your profit or expenses, the cost of your food and drinks. <...> Imagine, there were times

⁷ Abrar Karimullin, a historian, bibliophile and bibliographer, believes that these proverbs (for example, “Tatar akyly toshtan son” – “Tatars begin to think after dinner”) have nothing to do with the Volga Tatars, as they talk about ancient rulers, ancestors of modern Tatars – Mongols, because it is difficult to imagine that people in their proverbs can speak ill of themselves [Karimullin, p. 67].

when we could spend from three hundred to four hundred rubles per night in the company of girls [Beliashov, p. 496].

At that time, the average monthly income was about 500 rubles.

K. Mostakaev considered that it was not surprising that everyone had general doubts about the fact that having such a dissolute life “even one percent of young <Tatar> men from Kasimov were not infected with venereal diseases” [Mostakaev, p. 550].

As Faizrakhman Zhakhandarov from Alma-Ata testifies, the vanity of Tatar women is manifested in the fact that they paid too much attention to fashion (“ifrat darazhada modaga iiaralar”) [Zhahandarov]⁸. Thus, Tatar women from Kasimov were represented by those who succeeded in this regard and thus were no better than their husbands. As they spent their time exclusively on fashion and gossip and thus were completely lazy, most of them were physically and mentally ill, and therefore they either did not want or were not able to fulfill their maternal duties. They rarely gave birth to children, as it was fashionable to wear corsets among Tatar women from Kasimov [Mostakaev, pp. 548–550], [Kh. M., pp. 391–401].

Not only clothes were understood as female fashion. According to modern Tatar critics, Tatar men and women generally liked to blindly follow social, cultural and even economic manifestations of “fashion”. The receptiveness (täqlidcelek) to the *alien* was so widespread among Tatars that it began to acquire the character of a national trait. If someone did something, the others copied it after him or her, being confident in the correctness of their actions, without proper assessment of the advantages or disadvantages of the committed action, any idea or lack of it behind it. For example, mis-hars regarded their blind receptiveness of European and Russian customs and traditions as a convincing proof of supremacy over others [Bashiri, pp. 173–175]. At the same time, each of them sought to be

⁸ The Tatar scholar and educator Rizaetdin Fakhretdin in his story “Salima iaki Gyiffat” (“Salima, or virtue”), published in 1899 in Kazan under the pseudonym Gafil bin Gabdulla, also criticized Tatars for not taking over the advances in science and technology from the European culture, but only blindly following trends (“moda mobtalase”) [Fakhretdin, pp. 126–150]. According to the newspaper “Vakit”, in Tashkent, the obsession of the local Tatars (and Uzbeks?) with fashion reached such a scale that in the summer of 1916 there was founded the “Society to Combat the Dictates of Fashion” [Moda ile korash zhamgyiate].

the best or the first to imitate. This “clumsy” pursuit of fashion was typical of the way of thinking and behaviour of not only mishars, but also of other Tartar merchants. In many respects, due to this, they considered themselves more educated people (*mädäniyätlä digän ta'ifä*):

Some time ago, they all compiled and published spelling-books. Then they began to publish *tajwid* of Quran, and then they published historical essays on different events, made up a large number of treatises on the basics of religious belief, Islamic dogma and the conditions of faith, through which they advertised themselves. Then this attack reached newspapers. All of them <“cultural figures”> became editors of newspapers. Milk makers, bakers, cooks, shoemakers – all of them became editors then. And, we should not think that they all wrote about their own region. They <as a rule> discussed the same themes – problems of <the State> Duma [*Estarletamak bashkorty*, pp. 1–2].

In this regard, it is not surprising that the love of Tatars for gossiping was confirmed. They loved to say lengthy speeches without listening to each other and not doing anything (actions did not follow the words):

If there are things that are progressing to a greater degree in <Tatar> villages, then these are conversations and chattering [*Baker*, pp. 3–4].

In April 1914, the newspaper “II” dedicated to the planned establishment of the G. Tukai Award⁹ wrote the following:

It's true, we <Tatars> love to talk. We believe that the solution of any problem involves establishing a plan, and every task in it is nothing but an empty rhetoric [*Akhmadi*].

Faizrahman Zhakhandarov, who worked as a teacher in Alma-Ata in 1910, confirmed this state of affairs and mentions the following negative consequences:

It's very fashionable to say long speeches and “skimming off the top”. For this reason, the citizens <Tatars> do not trust each other [*Zhakhandarov*].

The desire to be in the spotlight, to be the most respected and influential and to be occupied only with their own affairs, which was confirmed and

⁹ The intention to establish the Gabdullah Tukai Award was realized only in 1946, 33 years after the death of the poet, on the occasion of official celebrations dedicated to the 60th anniversary of his birth (for more detail see [*Friderikh*, pp. 95–96].

criticized by many contemporary critics,¹⁰ was considered as the main reason that no one was ready to act for the benefit of society – “and this was this precise sign of ignorance” [*Ia*].

According to many contemporary Tatar critics, widespread local patriotism appeared as an additional reason for the emergence of disagreements among Tatars. The local patriotism manifested itself depending on the forms of egocentrism and disregard for the inhabitants of other districts. The identity of the kind based on nationality, often, though not always, was accompanied by cultural, religious and worldview differences, which were declared by various sub-ethnic groups of Tatars in order to make clearer distinctions. This, of course, was manifested more clearly in the diaspora uniting people of different regional backgrounds.

In 1885, while writing about the state of affairs in Tatar sub-ethnic regions, E. Malov noted their mutual neglect (see, for example, Geraci [*Geraci*]). This phenomenon was particularly vividly manifested in the relations between Kazan Tatars and Mishars. These sub-ethnic groups demonstrated a marked disagreement between themselves if they lived together in the same region. The Tatar press claimed that the source of controversy and lack of unity between them were hardly noticeable differences of geographical, religious and world views. At the same time, Mishars were generally represented as a “more advanced” group that developed and defended Tatar schools with a new method of teaching, and opposed themselves to the Russian language and Russian culture in a more open form than Kazan Tatars did.¹¹ It is difficult to judge whether this opinion was valid and if so, to what extent?

The thesis that Mishars occupied a dominant position could find confirmation, at least in Siberia and the Far East, from which remote places similar messages were received for several years, for example, from a small city of Zeya, located between Chita and Khabarovsk [*Gaffar*], from Blagove-

¹⁰ See: Rakhim Teliashov [*Teliashov*]. This aspiration was supposedly widespread among Tatar mullahs, each of whom wanted to be the only great, unique “spiritual mentor” [*Nogaiskii*].

¹¹ There are Malov's statements in this regard: “In fact, Mishars are much smarter than Tatar Muslims; they are more good-natured and more supportive of others” [*Geraci*, p. 179]. Comparatively there is a more positive attitude of Russians towards Mishars than to Kazan Tatars, which is explained, above all, by the fact that the national (nationalist) ideas of Mishars, whether they were Mishars or Tatars in general, found distribution to a lesser extent than those of Kazan Tatars.

shchensk in the Far East [Vakyt, 1910, No. 618] and from Hailar in Manchuria [Kotlyakhmadov].

The fact that Central Asia did not report disagreements between these two [sub-ethnic] groups indirectly confirms the idea that disagreements between Mishars and Kazan Tatars in Siberia and the Far East were more likely to be caused by religious and world outlook than by matters of regional origin. In Central Asia, such clashes should have started with the matters of regional origin – which did not happen, because there were no religious and world outlook differences among Tatars. In some written communications, on the one hand, there were disputes between Kazan Tatars and Mishars represented as a progressive group, and on the other hand, there were local Muslims, primarily “Uzbeks”, more rarely Turkmen and “Tajiks”, described as conservative and sometimes even reactionary.¹²

This theme did not become a subject of discussion in Tatar and Uzbek press. However, it was revealed that in Central Asia there was also a relatively large number of Tatars who advocated progress both before and after the October Revolution. Most of those Tatars were Mishars. It is another question whether the sub-ethnic identity was important for an individual or not, and to what extent or in what aspects it controlled their actions, if it is even a question that can only be answered in a particular case.

However, the disagreements characterized not only the relations between Mishars and Kazan Tatars, they were widespread in both groups. For example, we can read the following about the situation in Pavlodar, Northern Kazakhstan, where about 1700 Muslims lived in the early 1910s, the vast majority of whom were Tatars [Vakyt, 1912, No. 1000]:

There is no unity among our people (Xalqymyzdä ittifaq juq). They <Tatars> have always been divided, (da'imän ike jaqly bulub toralar) [which is manifested in the fact that] they say that you are a Mishar, <but> we are from Tyumen,¹³ you are from Tyumen, and we are

¹² Both names of “Uzbeks” and “Tajiks” are given in quotation marks here because the named nationalities did not exist at the beginning of the 20th century as nations in Western and Soviet understanding, and therefore could not be used as ethnonyms.

¹³ Most likely, the name Tyumen here does not refer to the city of the same name in Western Siberia, but to a small town of Temnikov in Tambov Governorate (now the Republic of Mordovia), which is also called Tyumen in the Tatar language. Memoirs of the writer Amirkhan Eniki convincingly show linguistic and cultural differ-

Mishars. And as they can not get along with each other, they can not find a good teacher in madrasah [Beray].

First of all, the question of teachers and mul-lahs' appointment divided the Tatar immigrants in Siberia into two groups and later on caused mass disagreements between local Tatars and Kazakhs in the Kazakh steppes.¹⁴ This fact indicates that the confrontation between cultures, characteristic of the social life of Tatars of the early 20th century, between traditionalists (Kadimists) and modernists (Jadids), was not limited to the question of Tatar origin, but also increased even in the diaspora.

In Soviet times, for obvious reasons, there were no written documents on disagreements among Tatars due to the matters of regional origin. However, from conversations and interviews conducted in 2002 and 2003 with Tatars living in Uzbekistan, it becomes clear that the distinction between local and regional origin was still very clear. It manifested itself even if a parent had already left the homeland, but children were born and raised in Uzbekistan. It is obvious that even in Soviet times, the distinction between Mishars and Kazan Tatars was explicit and there was still a condescending attitude towards representatives of another sub-ethnic group. If during the pre-Soviet period, first of all, Mishars identified themselves as “the best Tatars” and thus indirectly expressed their contempt for Kazan Tatars, and then in the Soviet era, Kazan Tatars started to perform the “leading” role in Tatar community. The reason for the shift of the dominance centre may be that, at the time of the creation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (the Tatar ASSR), all the territories inhabited by Mishars remained outside the ASSR. That situation was aggravated by the fact that Mishars were left without national autonomy, while the position of Kazan Tatars (with Kazan being the capital of the Tatar ASSR) was strengthened. Mishars in Tashkent and Samarkand repeatedly hinted and complained that even in Soviet times; Kazan

ences of Tatars from Tyumen / Temnikov and Mishars living in the vicinity and from Kazan Tatars. The memoirs also mention migration of many Tatars from there into the southern part of the Urals at the end of the 18th century [Eniki, pp. 7, 15, 78–79].

¹⁴ On disagreements and disputes over the issue among Tatars who emigrated to Khabarovsk see [Vakyt, 1908, No. 296], to Krasnoyarsk – see [Vakyt, 1912, No. 966]; between local Siberian Tatars and those who emigrated to Tomsk Region – see [Vakyt, 1912, No. 965]; between Tatars and Kazakhs in Semipalatinsk [Vakyt, 1909: No. 549], in Ust-Kamenogorsk [Vakyt, 1909, No. 558], in Alma-Ata [Vakyt, 1910, No. 681].

Tatars did not consider them equal fellow citizens. The retired director of the State Archaeological Museum of Samarkand, whose parents were from Azevo village (Әже) of Ryazan Governorate, formulated these circumstances most clearly:

<...> How should I explain the situation when we <the Mishars and Kazan Tatars> lived together in the same place and <the Kazan Tatars> did not appreciate us, they did not love us and called us second-class <people>. I can not understand this; I can not understand why we should be second-class Tatars. Even when I was little, I could not understand why we should be second-class Tatars. Later I read and studied a lot, and then realized that we embraced Islam only in the 16th century <...>¹⁵ [Interview with the director of the Samarkand Museum, November 9, 2002].

I am not aware of how widely spread and acknowledged the point of view implicitly presented in the cited interview among Mishars. Apparently, it emerged from the idea that Mishars “owe” their origin to the process of a rather late Islamization of the peoples of the non-Turkic origin. Thus, such an idea led to some discrimination on the part of Kazan Tatars.

The fact that there was disagreement about different regional origin of Tatars in Soviet times is based on the increasing number of complaints brought to the public attention after the collapse of the USSR. In one of the first articles that appeared in the post-Soviet period, devoted directly to the issue of “Tatar character”, the following criticism is given after a brief enumeration of positive characteristics of Tatars:

However, we should be concerned about our inability to get along with each other. <...> When it is not connected with representatives of other nationalities <...>, relations among Tatars are marked with ill-will <...> [Minnebaev, p. 157].

¹⁵ “Tatars”, representing the ruling stratum of Kasimov Khanate, founded in the mid-1450s, became Muslims by then, as it is indicated by the name of their first ruler, Khan Kasim, who died in about 1469. The statement that Mishars converted to Islam only in the 16th century is true only if it relates not to them, but to the Finno-Ugric tribes known as “мишәр” (“misher”), representing a large part of the population in the north of the Kasimov Khanate. At end of the 15th century, they were subjected to “tatarization” linguistically and Islamization in religious terms. (See the review of various theses on the ethnogenesis of Kasimov Tatars [Iosypov], [Sharifullina, 1991]; see statements on the issue of ethnogenesis of Mishars in general in [Mukhamedov, pp. 11–32], [Baiazitov, pp. 3–6].

In April 1990, 5 issues of the most popular Tatar newspaper “Tatarstan Yashlare” (“The Youth of Tatarstan”) published an article with an ambiguous title “Once Again on People, their Character and ‘Sacrificial Lamb’” [Gosmanov, pp. 432–471]. Its author, a respected Tatar historian Mirkasym Usmanov, presents a historical analysis of the meaning and use of the term “people” and presents it as a “political fetish”. He sarcastically opposes an obvious at that time manifestation of Tatar identity at that time, against attempts to embellish “Tatar people” and declares:

If you want to characterize innate disagreement, selfishness and even venality as phenomena of Tatar character of the past, then you may do it. However, examples of this are many nowadays as well [Gosmanov, p. 441].¹⁶

In the late 1990s, at least Tatar diasporas in Moscow and Tashkent were clearly informed that the reason for these disagreements and inability to unite was a widespread tendency to divisions in the diaspora and arrogant attitude towards each other. In late 1990s, in an interview to the journalist, Iag-suf Shafikov, a chairman of the council of the Tatar national and cultural autonomy in Moscow and the Moscow region, Rasim Akchurin, who was born in 1931 in the village of Zangiata near Tashkent and became a general of the Soviet Army¹⁷, said:

There is one thing I do not like at all: an attempt to divide Tatars into “ours” and “not ours”, “pure” and “not entirely pure”. This phenomenon is especially explicit in Moscow. Here some “people” divide Tatars <by their origin> into Penza Tatars, Tatars from Nizhny Novgorod, Kasimov Tatars, Volga and Ural Mishars [Shafikov, p. 112]¹⁸.

¹⁶ The first example, cited by M. Usmanov, concerns the discussion about the administrative status of Tatarstan in October 1964: the attempts to turn Tatarstan from the ASSR into The Federal Republic and thereby grant it more rights and freedoms were torpedoed mainly by Tatars themselves. See the memoirs of the writer A. Eniki, who participated in this discussion [Eniki, 1996, p. 116].

¹⁷ Rasim Suleimanovich Akchurin is one of the members of the Akchurin family, which placed an important role in the life of Tatars before, during and after Soviet time. On November 6, 1996, his younger brother Renat, as one of the leading cardiac surgeons in the world, carried out an operation on the heart of the then Russian President Boris Yeltsin.

¹⁸ Read more about disagreements between Moscow Tatars in [Akhtamzhan].

In the late 1990s, Umida Latypovna Sabirova, the head of the regional office of the Republic of Tatarstan in Uzbekistan¹⁹, complained about disagreements between the Tatars united in the Tatar centre of Tashkent, in “Beznen miras” (“Our Heritage”), the Tatar Editorial Board of Uzbekistan State Television:

Unfortunately, our compatriots, united in the Tatar centre of Tashkent, are not friendly. There are always quarrels and disputes of various kinds. They have not been able to solve the problem of electing a new chairman for four years [summer, 1998] [Sabirova].²⁰

Although Umida Latypovna does not explicitly say this, but the role of mutual aversion between Mishars and Kazan Tatars in addition to the expressed personal animosity and hostility can be observed in conflicts both in the Tatar centre and in the Tatar Editorial Board of Television. I could witness it myself during three visits to Tashkent in 2002 and 2003, not even trying to find out the reasons.

At the beginning of the 20th century, Tatar authors made numerous and detailed statements about the peculiarities of their people’s character, which they considered negative and, consequently, harmful for the further existence and development of Tatars. Tatars have been attributed positive and admirable characteristics only retrospectively since the beginning of the 20th century, while contemporary commentators did not mention them at all. It is unclear whether this drawback is connected with the fact that the authors of those times believed that such characteristics did not exist or they were so evident that they were not worth mentioning either. However, it is certainly unreasonable to reject all the positive traits attributed to Tatars during Soviet times and the post-Soviet period by both Tatars and non-Tatars, such as mere arrogance inspired by reawaken national pride, dated, at least, before the 19th century, and in some cases, certainly, by much earlier time.

Quoting the Russian edition of Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (1902), the Soviet sociologist and historian V.G. Starovoitova characterized Tatar workers of the 19th and 20th century as “conscientious”, “enduring”, “serious” and “neat” [Starovoitova, p. 55].

These positive features are also attributed to Tatars in numerous Post-Soviet publications by both Tatars and other nationalities. For example, in the mid-1990s the journalist Airat Ibrahimov wrote from Tambov about the image of Tatars in the eyes of the local Russian majority:

Tatars are associated with honesty, scrupulousness and diligence at work [Ibrahimov, p. 3].

In the late 1990s in an interview, the President of the State Council of the Udmurt Republic, located north-east of Tatarstan, A. A. Volkov almost literally listed all the above-mentioned features of Tatars. He also added that Tatars are “good leaders as manifested by the fact that a great number of companies in Udmurtia are run by Tatars” (cited by [Shafikov, p. 54]).

The same characteristics were attributed to Mishar Tatars living in the early 20th century in the foothills of the Southern Urals and in the area of Kokshetau, which is in the northwest of Kazakh steppe. They were mainly originally from Penza Governorate ([Akhmetzyanov], [Salakhov, p. 244]).

In 2000, the population of Tatars in the Republic of Adygea was nearly 4000 people. Above all, they were characterized as people of “iron discipline”, “politeness”, “sobriety”, “thorough education” and “sense of duty” [Shafikov, p. 92].

In retrospect, the Soviet Tatar workers living in Moscow in the 1920s and 1930s were also depicted as people of the abovementioned traditional Tatar virtues:

In keeping with the tradition of devotion to work and hoping to insure wonderful life for all peoples, Tatars conscientiously and successfully perform their duties regardless of their job [Nazipova, p. 114].

It is difficult to verify the accuracy and universality of these attributions in the past and at present. However, it is noteworthy that all the supporting materials known to us originate from the regions outside Tatarstan. This could possibly be explained by the fact that Tatars living in the regions where they constituted a minority or at least were not considered a “state” nation, developed the abovementioned characteristics to secure their existence as individuals or a local, regional or ethnic group as well as a foundation for prosperity.

The ability to adapt and tolerance are two other ethnic features which are used by Post-Soviet Tatars to characterize themselves and confirmed by others [Gilfanov, pp. 115–116], [Safin, pp. 42–44,

¹⁹ Due to its obscure or controversial status, the Republic of Tatarstan can not have official “embassies” abroad, but only “regional offices”.

²⁰ See also [Azikhanov, 1995].

57, 71], [Kosach]. These qualities are even more indispensable than “diligence” and “conscientiousness” for peaceful coexistence of different peoples and ethnic groups, especially those not concentrated territorially, but dispersed among other ethnicities. Therefore, it is not surprising that the ability of Tatars to stay competitive and thrive for a long time is due to their skill of making compromises and avoiding “severe economic competition” and “inter-ethnic tension” [Kosach, p. 55]. Tatars, at least in expat communities, have all important characteristic features of a middleman minority [Bonacich, p. 586]. Thanks to their history, culture and language, they are predestined to play the role of a mediator between West and East [Safin, pp. 65]. In the early 20th century, they could perform this function as “imperial civilizers” [Kosach, p. 58], and for the future, according to “Tatar Moral Code”, which is a 12-point document published in 1997, Tatars are called upon to maintain good relationships with all peoples and act not only as culture-bearers, but also as cultural mediators [Tatar Moral Code, Point 1, 12].

However, the ability to adapt carries the threat of assimilation. The intentional or unintentional fast and easy assimilation of Tatars is evidenced by more than one fact. In the first place, since the late 1980s there have been frequent calls for Tatars to preserve their language, culture, traditions and customs regardless of where they live [Tatar Moral Code, Point 2], [Salikhova, p. 6]. Moreover, willingness to assimilate, which is understood as a problem of identity and therefore a negative phenomenon and subject to criticism, is also recognized as a widespread feature among Tatars:

Tatar people assimilate quickly. They very quickly forget their ethnicity, language, culture and literature [Teljashov, p. 3].

Among Tatars, the assimilation with a different people constituting the majority and/or enjoying high prestige reached its climax during the Soviet era. Nevertheless, it had been witnessed before too.

As early as in the middle of the 19th century, travelers from Europe to the Volga region noted that Tatars who lived there no longer had “the genuine Tatar household economy”, and everything had been already “affected by European culture” [Haxthausen, Bd.1, pp. 474–475]²¹. In the

²¹ However, Haxthausen left open the question what is meant by “genuine Tatar national household”. These are the very peculiarities of Tatars which he understands as “adopting European culture”, such as putting potted

early 20th century, there appeared complaints about Tatars who had moved to the northern and eastern edges of the Kazakh steppe. They were reported to have almost lost their language and culture and started to assimilate with the Kazakh.²² The willingness of Tatars living in Siberia to adopt the Russian language and culture was also subject to criticism already in the middle of 1910s [Gafar].

Neither before nor after the October revolution were Tatars in Central Asia ever reported to have assimilated with the local majority. On the other hand, the adoption of the Russian language as well as many other aspects of Western and Russian culture by Tatars living in Central Asia is a well-documented and frequently criticized fact.

The importance of acquiring knowledge and receiving education is the last absolutely positive feature seen by Tatars of the Post-Soviet era as peculiar to their ethnic group in general. Numerous articles and memoirs contain such statements as “The pursuit of education has always been typical of our people in Kargaly²³ [Yeniki, 2003, pp. 47, 63] or “Books have always had pride of place in our house [in Kattakurgan, Uzbekistan]” [Azikhonov, 1994, p. 6]. In this context, we can refer to the Tatar proverb “Kitapsyz jort – ishek abzary”, which means “A house without books is a shed for donkeys”.²⁴ Taking into consideration the great number of complaints in the early 20th century’s Tatar press about the failure of the Tatar education system²⁵, the claim that Tatars have always been interested in pursuing education and acquiring knowledge may seem unconvincing. However, it

plants even in front of “the windows of the most miserable shacks”. Haxthausen sees them as a “slight but meaningful sign of cultural abilities” of Tatars [Haxthausen, p. 481].

²² Tatars in Pavlodar See.: [Nadirshin], [Diberdiev]; in Kekpekt, northwest of Lake Zaisan See: [Sibirijaden ber kurenesh]. Tatars who linguistically and culturally assimilated with the Kazakh in the district of Morey, East Turkestan See: [Tatarlarnyn kyskacha tarikhy, pp. 71–80]

²³ This refers not to the well-known Tatar suburb of Orenburg, but to the similarly-named place, which was founded in the vicinity of Belebey (in current-day Bashkiria) by Tatars from a small town Temnikov/Tumen.

²⁴ There are many similar Tatar proverbs on the subject. See for more examples: http://tatartelem.blogspot.ru/p/blog-page_95.html

²⁵ This complaint is probably based on the opinion, which can hardly be refuted, that the education system may or should be better, and what had been achieved is not enough.

appears to be relatively true. Tatar writers have depicted thirst and desire for knowledge as characteristic features of Tatars since the 1910s. Even before, Tatars maintained a leading position in literacy and the level of education and professional skills among other “Muslim peoples” of the Russian Empire and later - in the Soviet Union as evidenced by the great number of Tatar teachers working in Kazakh steppe and Central Asia starting from the late 19th century (Please see the following for details: [Kappeler, pp. 474–477], [Noack, pp. 53–57], [Martin 2001, pp. 127–130], [Sultan, pp. 264–266] [Vucinich, p. 426] [Armstrong]).

Finally, one more feature worth mentioning is “dispersion”. Tatars, especially in the post-Soviet period, directly attributed it to the Tatar ethnic identity. The fact that there are large in population and geographically dispersed Tatar expat communities seems to be an important component of the Tatar consciousness. For example, it is made clear in the long poem “Who are we?” (1998). The first part called “Tatars” begins as follows:

Across all [continents] / Tatars are scattered; //
From the Strait of Tatory / to Paris // There are Tatars in
Belarus, / in Siberia, in the Urals, [and] in Simbirsk
there are many Tatars. // In the Altai, in China, in Tar-
bagatay, // [and] in the Caucasus there are many Tatars;
/ [Also] in Central Asia there are many of them, / Where
are there no Tatars? / In Samara, Saratov, / in Sergach,
in Orenburg, / [and] in Volgograd there are Tatars; /
<...> [Sattar-Mulille, p. 76].

In this context, a greater importance must be attached to the 12-point “Tatar Moral Code” published in 1917. The development of the code involved leading Tatar intellectuals such as the historian Mirkasym Usmanov, the poet Razil Valiev and the politician Rashit Yagfarov. Among all the points, three have particular relevance to the people living not in the place where their ethnic group comprises the majority:

2. Tatar! ²⁶ Regardless of where you live, do not forget your place among other peoples, know your value. Respect your historical traditions, morals and customs of your ancestors, hold on to your faith.

4. Tatar! Be proud to live in peace and harmony with all the peoples in the world. All peoples are equal for you. But remember that when you respect the others, you also deserve respect.

²⁶ This form of address concerns both men and women. The unusual expression “Tatar keshese” (Tatar / Tatar person) is probably used to emphasise the appeal to both sexes.

10. Tatar! Remember that the human world is not perfect. Peoples are still being divided into categories and played against one another. Be ready to struggle if anybody dares to put our “Tatarity” in question! [Tatar Moral Code].

As it was mentioned before, this article aims at neither describing nor constructing timeless and comprehensive Tatars ethnic identity. This attempt would certainly be unsuccessful. One should also not assert that the above-presented features are inherent exclusively in Tatars. Above all, positive features defined as peculiar to Tatars are universal both in theory and practice. They can be used by the majority of people regardless of their ethnicity to refer to both an individual and the whole ethnic group they belong to.²⁷ Thus, in the late 19th and early 20th centuries the Armenians in Central Asia were alleged to share the same features with local Tatars: “loving their work”, “resourceful”, “proficient in the language” (i.e. the local one and Russian) [Grigoriants, p. 124, 138].

No matter how relative the results of the research into the ethnic character traits of Tatars may seem, the study is not pointless. Even if “the ethnic identity” is understood as a based on the worldview construct of self affirmation and self criticism, it may be useful at least for better understanding the culture and history of the people.

Peoples living away from their homeland typically have more distinct ethnic identity. As it was previously mentioned, both positive and negative features peculiar to Tatars are more pronounced in Tatar expat communities. For instance, according to the monograph “Tatar Scientists outside Tatarstan” (2000) [Bedretdinov]²⁸, Tatars living in the expat community valued thirst for knowledge and diligence in studies higher than those living in the Tatar Autonomous Soviet Socialistic Republic. It sounds reasonable because gaining qualification with the help of education was one of the few opportunities for Tatars outside Tatarstan to improve their social status and prestige, and thus also their material well-being.²⁹

²⁷ Compare it, for example, with Mary Waters’s observations in the framework of her research into the identity of immigrants belonging to different ethnic groups in the USA in the early 1980s [Waters, p. 134].

²⁸ As far as I am concerned, the book did not have continuation.

²⁹ In this respect, there are also clear parallels between Tatars and Armenians: when, after the October Revolution, being one of the most important activities of Armenians in Central Asia, private trade was limited, and since the late 1920s, the children of former merchants

The question of defining a certain character trait as positive or negative is always controversial. For example, on the one hand, the peculiar to Tatars “aspiration <of every single person> for leading positions in everything” [Teliashov] has resulted in internal frictions, which are frequently complained about, and thus has not contributed to solidarity and connection among Tatars. Yet, on the other hand, this trait can be considered one of the reasons that many Tatars as individuals succeeded in acquiring a higher position in society, which in its turn enhanced the overall perception of Tatars as a separate group by the local population, as it happened in Central Asia. Thus, it ensured the existence of Tatars as an independent “group” which is characterized with external attribution rather than internal coherence. It also established the prerequisites for shaping “the group of people of Tatar origin”, which in the mid-1960s timidly started to define itself from the inside on the ethnic level, i.e. discover and develop its Tatarity, and intensified the efforts in the late 1980s.³⁰

References

- Ahmetzhanov, M. (1996). *Ber tobekten och general* [Three Generals from One Region]. *Miras*. No.11, pp. 55–62. (In Tatar)
- Ahmetzhan, A. (1997). *Meskeu tatarlary* [The Moscow Tatars]. *Tatar Ile*. No. 43(256), November, p. 4. (In Tatar)
- Armstrong, J. A. (1974). *Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union*. An Introduction, New York. (In English)
- Azikhonov, R. (1995). *Medeni yzeknen meshekat'lere* [The Cares of the Cultural Centre]. *Tatar Ile*, No.10, April. (In Tatar)
- Azikhonov, R. (1994). *Tatary v Kattakurgane* [The Tatars in Kattakurgan]. *Tatar Ile*, No. 30 (100), September, pp. 6–7 (In Russian)
- Azikhonov, R. (1997). *Pamjat aksakala* [Aqsaqal's Memory]. *Tatar Ile*, No. 4, January, pp. 6–7 (In Russian)
- Baiazitova, F. S. (2003). *Tatar-mishar ruhi mirasy: gaile-konkuresh, jola terminologijase hem fol'klor* [Tatar-Mishar Spiritual Heritage: Domestic, Ritual Terminology and Folklore]. 258 p. Saransk. (In Tatar)
- Bedretdinov, Kh. (2000). *Tatarstannan chittege tatar galimnere* [Tatar Scientists Outside Tatarstan]. 208 p. Kazan, Yoshkar-Ola. (In Tatar)
- Beker, K. (1911). *Avyl mektublere* [Village Schools]. *Vakyt*. 29 July, No. 819, pp. 3–4. (In Tatar)
- Bashiri, Z. (1910). *Misharler (V)* [The Mishars (V)]. *Shura*, 15 March, No. 6, pp. 173–175. (In Tatar)
- Beliashov, A. (1914) *Tatarlar Torkestanda* [The Tatars in Turkestan]. *Shura*, 15 August, No. 16, pp. 494–496. (In Tatar)
- Bereu (1910). *Pavlodar*. *Vakyt*, 28 October, No. 686, 3 p. (In Tatar)
- Bonacich, E. (1973). *A Theory of Middleman Minorities*. *American Sociological Review*, Vol. 38 (October 1973), pp. 583–594. (In English)
- Galliamova, A. G. (1992). *Krizis nacional'noj samoidentifikacii tatar v 40-70-e gody XX v.* [The Crisis of National Identity Among Tatars in the 1940s -1970s]. *Iazyki, duhovnaia kul'tura i istoria tiurkov: traditsii i sovremennost'*: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii, Vol.3, 9-13 June, Kazan, *Insan*, pp. 96–98. (In Russian)
- Gaffar, S. (1916). *Amur vilajatennen* [Amur Wilayat]. *Vakyt*. 22 June, No. 2052, 4 p. (In Tatar)
- Gil'fanov, R. (1996). *Tatarskaja diaspora* [Tatar Expat Community]. *Tatar Ile*. December. No. 45–46 (115–116), pp. 7–8. (In Russian)
- Gosmanov, M. (1991). *Ytkennen – kilechekke: tatar medonijate turynda mekaleler* [From the Past to the Future: Articles about Culture]. 472 p. Kazan. (In Tatar)
- Grigoriant, V. (2000). *Iz istorii armjan v Turkestande* [From the History of Armenians in Turkestan]. *Diaspora*, No. 1–2, pp. 120–144. (In Russian)
- Diberdiev, M. K. (1908). *Pavlodar (kazakcha Kerekeu)* [Pavlodar (in Kazakh Kerekeu)]. *Vakyt*, 5 January, No. 264, pp. 2. (In Tatar)
- Ehmedi (1914). *Tukaev stipendijas* [Tukaev's Scholarship]. *Ile*. 27 April. No. 25, pp. 1. (In Tatar)
- Fakhretdin, R. (2001). *Selima, jaki Gyjffet* [Salima, or Chastity]. (“Karurmanny chykkan chakta” Collection, Kazan, Megarif, pp.126–150. (In Tatar)
- Friederich, M. (1998). *Ghabdulla Tuqaj* (1886-1913). Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem Sozialismus Wiesbaden: Harrassowitz. (In German)
- Friederich, M. (2011). *Gabdulla Tukaj kak ob'ekt ideologicheskoy bor'by* [Gabdulla Tukaj as an Object of Ideological Struggle]. Kazan. 343 p. (In Russian)
- Geraci, R. P. (2001). *Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*, Ithaca, London, 179 p. (In English)
- Haxthausen, A. *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*, [3 Teile = Bände], Hilde-

became predominantly (often outstanding) representatives of the humanitarian and technical intelligentsia (for example, doctors, engineers, economists) (See: [Grigoriant, p. 137], [Eniki, 2003, pp. 140–141].

³⁰ In 1963 Tatars living in Tashkent celebrated their ethnic holiday “Sabantuy” for the first time since the 1930s. Local Tatars explained the fact that “Sabantuy” stopped being celebrated in 1967 again by difficulties or even impossibility of cultivating Tatar ethnic culture in Uzbekistan between the mid-1930s and the late 1980s. See, for example, the statements made by the Uzbek writer Suleiman Azimov, born in 1910, who can hardly be suspected of Tatar nationalism, in [Azikhonov, 1997, pp. 6–7]. This issue among Siberian Tatars is considered in [Gallyamova, pp. 97–98].

- sheim 1973 (reprint der Originalausgabe Hannover 1847). (In German)
- Ia. (1911). *Beznen heller* [Our Affairs]. Vakyt. 23 August. No. 831, pp.1. (In Tatar)
- Ibrahimov, A. (1996). *Tambov urmannary chynlyganda* [Tambov Forests in Tsilna]. Tatar ile, November. No. 44(209), pp. 3. (In Tatar)
- Iesterletamak bashkorty. Tatar gezitelere* (1906) [Sterlitamak Bashkortostan. Newspaper in the Field of Culture]. Vakyt. 13 June. No. 36. (In Tatar)
- Josypov, F. (2003). *Rossija tatarlary. Kasyjm tatarlary* [Russia's Tatars. Qasim Tatars]. Miras. No. 7, pp. 63–74. (In Tatar)
- Kappeler, A. (1982). *Russlands erste Nationalitäten*, Köln, Wien. (In German)
- Karimullin, A. (1991). *Isemebez hem zhisemebezv* [Our Body and Our Name]. 160 p. Kazan. (In Tatar)
- Kemper, M. (2008). *Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskij diskurs pod russkim gospodstvom* [Sufi and Scientists in Tatarstan and Bashkortostan. The Islamic Factor under the Russian Domination]. 675 p. Kazan. Russian Islamic University. (In Russian)
- Khakimov, N. (1999). *Beznen tatar* [Our Tatars]. Miras. No. 7, pp. 24. (In Tatar)
- Khasani, A. (1915). *Millijat gasyry* [Milliat Century]. Joldyz. 25 August, No. 1497. (In Tatar)
- Kosach, G. G. (1998). *A Russian City between Two Continents: The Tatars of Orenburg and State Power, in Russia at a Crossroads*. History, Memory and Political Practice, ed. by Nurit Schleifman, London, pp. 33– 88. (In English)
- Kotlyekhmedov, A. *Hailar*. Vakyt. 31 October, No. 93, pp. 3. (In Tatar)
- Martin, T. (2001). *The Affirmative Action Empire*. Nations and Nationalities in the Soviet Union, 1923–1939, Ithaca. (In English)
- Merzhani, Sh. (1885). *Mostefadel-ehbar fi ehvali Kazan ve Bolgar* [Useful Information about Kazan and Bulgar Affairs]. 264 p. Kazan. (In Tatar)
- Merzhani, Sh. (1889). *Mostefadel-ehbar fi ehvali Kazan ve Bolgar* [Useful Information about Kazan and Bulgar Affairs]. 415 p. Kazan. (In Tatar)
- Minnebaev, T. (1991). *Tatar khalkynyn kholky: iktisadi tamyrlary, sejasi tormyshta chagylyshy* [The Nature of the Tatar People: The Economic Roots, the Reflection of Political Life]. Kazan utlary. No. 10, pp.155–159. (In Tatar)
- Moda ile koresh ahemgyjate* (1916) [Society Fighting Fashion]. Vakyt. 22 July, No. 2052, pp. 2. (In Tatar)
- Mostakaev, K. (1914). *Kasyim moselmannary heleket aldynda* [The Kasim Tatars before the Disaster]. Shura. No. 18, 15 September, pp. 548– 550. (In Tatar)
- Muhamedova, R. G. (1972). *Tatary-mishari: istoriko-jetnograficheskoe issledovanie* [Tatar-Mishars: Historical-Ethnographic Study]. 248 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Noack, C. (1993). *Die ethno-soziale Struktur der Wolgatataren nach der russischen Volkszählung von 1897*, Köln, pp. 53– 57. (In German)
- H. M. Kasyim ehvellennen* (1912) [On H. M. Kasimov's Matters]. Shura. No. 12. 1 July, pp. 397– 401. (In Tatar)
- Nadirshin, M. S. (1908). *Sibirija ehvellennen* [On Siberia]. Vakyt. 27 March, No. 299, pp. 4. (In Tatar)
- Nezhipova, K. A. (1997). *Maskau tatarlary* (20-30 nche ellar) [Moscow Tatars (the 1920s–30s)]. Miras. No. 8, pp. 112–117. (In Tatar)
- Nogaiskii. (1911). *Jesterletamak shehere* [Sterlitamak City]. Vakyt. 30 September. No. 850, p. 4. (In Tatar)
- Sabirova, U. L. (1998). *Jelemteler nygyj hem nygyr* [Strengthening Ties and Capacity]. Tatar ile. June, No. 22 (283). (In Tatar)
- Safin, R. (2002). *Tatar july* [Tatar Road]. P. 109. Kazan. (In Tatar)
- Salahov, I. (1996). *Kukchetau tatarlary* [The Kokshetau Tatars]. Miras, No. 5– 6, pp. 237– 244. (In Tatar)
- Salikhova, R. (2002). *Halkybyznyn ber jenzhə bor-tege* [To One of the Jewels of Our Nation]. Berdemlek. 10 September. No. 37(644), pp. 6. (In Tatar)
- Sattar-Mulille, G. (1998). *Bez kemner?* [Who Are We?] Miras. No. (75), pp. 76–93. (In Tatar)
- Schamiloglu, U. (1990). *The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Šihabäddin Märçani and the Image of the Golden Horde*. Central Asian Survey. Vol. 9. No. 2, pp. 39–49. (In English)
- Shafikov, Ja. (2002). *Ber kureshu – ber gomer* [One Meeting - Like a Whole Life]. 112 p. Kazan. (In Tatar)
- Sharifullina, F. L. (1991). *Kasimovskie tatary* [Kasim Tatars]. Kazan. 127 p. (In Tatar)
- Sharifullina, F. L. (1990). *Kasimov tatarlary* [Kasim Tatars]. Kazan utlary. No 5, pp. 172– 175. (In Tatar)
- Sibiriyaden ber kurenesh* (1908) [One Phenomenon in Siberia]. Vakyt. 14 February, No. 281, pp. 2. (In Tatar)
- Starovoitova, G. V. (1981). *The Formation of the Dispersed Tatar Component in the Population of St. Petersburg-Leningrad*. Soviet Sociology. No. 20, pp. 53–75. (In English)
- Sultan, G. (1968). *Demographic and cultural trends among Turkic peoples of the Soviet Union*. Erich Goldhagen (ed.): Ethnic Minorities in the Soviet Union, New York, pp. 251– 273. (In English)
- Tatarlarnyn kyskacha tarihy* (1998) [A Brief History of Tatars]. Oremche. (In Tatar)
- Tatarnyn ahlakyyi kodeksy* (1997) [Tatar Moral Code]. Tatar ile. September, No. 36 (249), pp. 3. (In Tatar)
- Teliashov, R. (1996). *Vologda tatarlary. Ytkene hem bugengese* [Vologda Tatars. Past and Present]. Tatar ile. June, No. 24 (189), pp. 3. (In Tatar)
- Tukai, G. (2015). *Halyk edebijaty* [Folk Literature]. Works in six volumes. Vol.4, pp.161–180. Kazan. (In Tatar)
- Vucinich, W. (1972) (ed.). *Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*, Stanford. (In English)

Waters, M. C. (1990). *People described values and beliefs that are very general – in fact held by most middle-class Americans – as being specific to their own, and not to other, ethnic groups*. Ethnic Options. Choosing Identities in America, Berkeley. (In English)

Yeniki, A. (1996). *Kojash baer aldynnan (publistik məkalələr)* [Before Sunset (Journalistic Articles)]. 192 p. Kazan. (In Tatar)

Yeniki, A. (2003). *Songy kitap* [The Last Book]. Eniki A. Works in five volumes. Vol. 4. Kazan. (In Tatar)

Zhahandarov, F. (1910). *Khatynnar məzhlesennen* [The Women from the Majlis]. Vakyt. 24 August, No. 659, pp. 3–4. (In Tatar)

Zhahandarov, F. (1910). *Hatynnar megyshetennen* [Women in Everyday Life]. Vakyt. 24 August, No. 659, pp. 3–4. (In Tatar)

Zhahandarov, F. (1910). *Almata moselmannary helennen* [The Situation of Muslims in Almaty]. Vakyt. 16 October, No. 681, pp. 3–4. (In Tatar)

К ВОПРОСУ О ТАТАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Михаэль Фридерих,

Университет имени Отто Фридриха (Бамберг, Германия),
Германия, 960047, г. Бамберг, ул. Капуцинерштрассе д. 16,
gilyazov1958@mail.ru.

В статье рассматривается проблема татарского национального характера. В фокусе внимания автора оказались татарские источники начала XX века (в первую очередь газетные и журнальные публикации), анализ которых позволил автору выявить особенности самоописания татар в этот период. Автор размышляет о причинах разногласий в татарском обществе и отсутствия единства среди татар, подчеркивая особенности национального характера и проводя параллели между явлениями начала и конца XX века. При этом также внимание уделено и региональным особенностям национального характера.

Ключевые слова: татары, Волго-Уральский регион, татарский национальный характер, менталитет.

Изучением и выявлением качеств характера, являющихся типичными для мусульманского населения Волго-Уральского региона, на рубеже XIX–XX веков занимались многие представители интеллигенции татарского происхождения. И успехи, и неудачи, приписывавшиеся «татарам» в различных сферах экономической деятельности, а также культуры и просвещения, будучи справедливыми либо несправедливыми утверждениями, часто объяснялись самими «татарами» особенностями менталитета, свойственного татарам (*Tatarlarnyñ äxvaly xosusijä*) [Беляшов, с. 496].

Убежденность в существовании народа с собственным языком, историей и культурой, отличающимися от других народов, то есть убежденность в том, что изначально существовал народ либо нация под названием «татары», послужили предпосылкой того, чтобы «национальный» характер стал предметом изучения. Большая заслуга в распространении знаний об истории и культуре татар не только среди простого мусульманского населения Волго-Уральского региона, но и среди ученых при-

надлежит правоведам и историкам Шигабутдину Марджани (1819–1889),¹ заложившему основы исторической идентичности татар. В первом томе всеобъемлющей истории Поволжья и прилегающих территорий, опубликованном в 1880 году, он описывает уровень знаний ученых того времени следующим образом:

Формулируя вкратце, они ничего не знают о своих собственных народах и предках (*aqvam vä äslaf*), о «прежних» жителях «своей страны», а также об их деяниях и качествах. Ни один из них не знает, сколько великих царей вышло из их племен. Из-за этого чрезмерного невежества они называют себя ногайцами (*nuğay*), так как это делали сарты «вместе с ними» из Мавераннахра (Мавераннахр – араб. «то, что по ту сторону реки». Подразумевается река Амударья (прим. переводчика. – М. Ф.)), слепо (*taqlidan*) следовавшие им; когда они разговаривают друг с другом, они так себя называют и считают, что они действительно принадлежат к тому народу (*ta'ifä*) «ногайцам». Поскольку русские (*rusiyä*

¹ Одним из примеров нового критического восприятия Марджани и его объемного труда является работа Михаэля Кемпера [Кемпер, с. 463–465].

ta'ifäse) используют выражение «татары» в качестве оскорбления и унижения, выражая тем самым, что кто-то еще ниже по достоинству, чем они сами, некоторые наши соотечественники понимают, что не могут быть татарами и ненавидят это имя. Они говорят: «Мы – не татары, а мусульмане!» и начинают спорить. Но нет, нет и еще раз нет! <Это так же ясно, как> различие между Нилом и Евфратом! О заблуждающийся: если враг твоей религии и народа (*doşman-i din vä milläteñ*) не знает тебя ни под каким другим именем, кроме как «мусульманин», он, конечно, будет использовать и имя «мусульманин» как оскорбление для тебя! Если ты не татарин, но и не араб, не таджик, не ногаец, не китаец, не русский, не француз, не прусс или немец – кто ты тогда?»² ([Мәржани, 1885, с. 6], цит. по: [Кемпер, с. 456–457]).

Здесь нет необходимости рассуждать о том, можно ли рассматривать Марджани как первооткрывателя татарской нации в понимании Э. Хобсбаума и Т. Зингера, как это делал американский историк Юлай Шамильоглу [Schamiloglu, с. 43–47]. Неоспоримым и устойчивым является положение, согласно которому, во-первых, лишь благодаря Марджани можно было объяснить характер «татарской нации», во-вторых, с начала XX века многие представители татарской интеллигенции осознали значимость этого явления.³

В нашей работе не предпринимается попытка определить национальный характер татар во всех его аспектах и с учетом времени: как мне кажется, это является спорным и во многом безуспешным. В дальнейшем я хотел бы представить несколько моментов, являющихся типичными для татар начала XX века. Эти моменты, отмеченные в основном современными татарскими авторами, касаются преимущественно отношений татар между собой, а также их отношения к другим народам. Авторы характеристик местного татарского населения жили не только в Волжско-Уральском регионе, но и в различных регионах Сибири, казахской степи, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Они рассказывали о живущих там татарах, и естественно, что вопрос о татарском национальном характере тесно связан с вопросом о

возможностях и сложностях развития татарской диаспоры.

Как отчетливо следует из выступления Марджани, не только «весь народ», но и подавляющее большинство традиционных ученых либо вообще не задавали вопрос о «татарском народе», либо они отрицали существование такого национально и исторически обоснованного и определенного сообщества. Получается, что сами авторы, занимавшиеся вопросом о татарском национальном характере, относятся к «модернистам». И они, очевидно, вынуждены были выявлять и критиковать недостатки, которые, по их мнению, препятствовали возникновению татарской нации либо затрудняли ее саморазвитие.⁴ Таким образом, «модернисты» начала XX века четко отличаются от советских «идеологов национального (татарского. – М. Ф.) движения»,⁵ которые в своих характеристиках татарского менталитета в основном представляют положительные и героические аспекты как конституирующие, при этом частично стираются границы между татарским (татарлык) и тюркским (төрөклөк) менталитетом.⁶

Я представляю ниже лишь некоторые характеристики самих татар о себе, которые в основном использовались при описании татарского национального характера в начале XX века. Я присоединяюсь к обсуждениям спорных

² Это издание в сокращенном и адаптированном для современных татар виде было переиздано в Казани в 1989 году [Мәржани, 1989, с. 43–44].

³ Эту точку зрения весьма четко сформулировал редактор художественно-литературного журнала «Аң» (1912–1918) Ахмадгарай Хасани, который определил XX век как «век национальностей» (*миллият гасыры*) [Хәсәни].

⁴ Безусловно, модернистам было известно, что в результате своей критики отрицательных черт характера татар они и сами могли бы быть осуждены как «тормозящие» развитие татар и быть вследствие этого отвергнутыми. Они считали, что уверенно высказывали свою критику потому, что они были «настоящими татарами» и поэтому желали благополучия и процветания татарскому народу. Нигмат Хакимов так обосновал свою позицию в стихотворении «Безнең татар» («Наши татары») (1913): *Нич ачуланма, татарны кимсетә, дип сез миңа / Әйтәмен булган өчен татар баласы – чын Татар. – Не сердитесь на меня, думая, что я – «поглотитель» развития татар – / Я выражаю (данную критику. – М. Ф.), потому что я сын татарского народа – потому что я – настоящий татарин* [Хәкимов, с. 24].

⁵ Например, историк и этнолог Дамир Исхаков назывался и восхвалялся в качестве «идеолога национального движения» (ср.: [Сафин]).

⁶ Самый выдающийся пример, который мне известен, – это длинное стихотворение в виде исторической поэмы под названием в виде вопроса «Без кемнәр?» («Кто мы?») (1998) известного филолога Гумера Саттар-Муллиле (Gomär Sattar-Mulille) [Саттар-Муллиле, с. 76–93].

моментов данных характеристик, особенно в работах постсоветских авторов.

Эгоизм и несогласие, словно две стороны медали, критикуются в качестве взаимосвязанных и дополняющих друг друга основных недостатков татар в различных статьях в татарской прессе того времени:

Каждый из них считает себя самым красивым и считает другого ниже себя. Каждый воспринимает позорным служение другому и стремится действовать в своих интересах. Они («татары». – М. Ф.) много делают, чтобы распространять свою собственную (личную. – М. Ф.) славу. Это свойство встречается также у казанских купцов, особенно сильно развито у лиц, которые считают себя образованными [Эстэрлетатамак башкорты].

Внутренние татарские разногласия, вероятно, были настолько явно выражены, что это находило отражение в таких выражениях, как *Татар башын татар ашар. – Татарин сожрет татарина* или *Татар атасын сатар. – Татарин продаст своего отца*. Тот факт, что у других тюркских народов нет аналогов этих пословиц, во многом свидетельствует о том, что данные выражения отражают «типичные татарские» особенности характера.⁷

Существует три причины, обусловившие отсутствие единства среди татар: во-первых, эгоизм, во-вторых, – различное географическое происхождение и вытекающий из этого местный или региональный патриотизм, а в-третьих, различные религиозно-мировоззренческие ориентации.

Среди татарских мужчин эгоизм нашел наиболее яркое проявление в безнравственном, аморальном образе жизни, который критики единодушно осуждали. Народная песня «Касыймский Ибрай», где высмеивается татарин из Касимова, который умер из-за разгульной жизни, косвенно подтверждает актуальность пословицы *Татар түрә булса, чабатасын түргә эләр. – Если татарин станет чиновником, он повесит на почетное место свои лапти* (см.: [Тукай, с. 164]). Стоит отметить, что касимов-

ские татары, удачливые в коммерческой деятельности, часто были предметом зависти и объектом нападков со стороны других татар:

Касимовский татарин, который еще вчера крошил хлеб в квас и ел его вприхлебку, после того как накопил несметные богатства, которые он не раз представлял себе во сне, даже не знал, куда деть все деньги. Это было совершенно излишним, но с того времени (касимовские татары. – М. Ф.) стали строить в деревнях огромные каменные дома дворцового типа, устраивать лошадиные скачки, содержать лошадей для троек и предаваться всевозможным аморальным действиям [Мостакаев, с. 548–550].

Этим негативным тенденциям были подвержены также представители татар и из других регионов. Так, Аллахияр Беяшов в своих воспоминаниях о пребывании в Ташкенте упоминал одного распутного татарина:

То было благословенное время <...>. Тогда не приходилось пересчитывать ни прибыль, ни расходы, ни еду и напитки. <...> Представь себе, были времена, когда мы в компании с девушками могли потратить триста-четыреста рублей за ночь [Беяшов, с. 496].

В то время среднемесячный доход составлял около 500 рублей.

К. Мустакаев считал неудивительным возникновение у многих сомнений относительно того, что «даже один процент молодых (татарских. – М. Ф.) мужчин из Касимова не был заражен инфекционными заболеваниями» [Мостакаев, с. 550.].

Как свидетельствует Файзрахман Жахандаров из Алма-Аты, у татарских женщин тщеславие проявлялось в том, что они уделяли чрезмерное внимание моде (*ифрат дәрәжәдә модага иярәләр*) [Жаһандаров]⁸. Таким образом, татарки из Касимова были представлены преуспевшими в этом отношении и приравненны-

⁷ Историк и книговед-библиограф Абрар Каримуллин считает, что эти пословицы, например *Татар акылы төштән соң. – Татары начинают соображать после обеда*, не имеют отношения к поволжским татарам, в них речь идет о давних правителях предков современных татар – монголах, поскольку трудно представить, что народ в своих пословицах может негативно отзываться о самом себе [Каримуллин, с. 67].

⁸ Татарский ученый и просветитель Риззатдин Фахретдин в своей повести «Сәлимә яки Гыйффәт» («Салима, или добродетель»), опубликованной в 1899 году в Казани под псевдонимом Гафил бин Габдулла, также критиковал татар за то, что они не перенимали из европейской культуры достижения науки и техники, а всего лишь слепо следовали моде («мода мөбталәсе») [Фахретдин, с. 126–150]. Согласно данным газеты «Вақыт», в Ташкенте одержимость местных татарок (и узбечек?) модой достигла такого размаха, что летом 1916 года там было основано «Общество по борьбе с диктатом моды» [Мода иле көрәш жәмгыяте].

ми тем самым к своим мужьям. Поскольку они тратили свое время исключительно на моду и сплетни и, таким образом, полностью предавались лени, большинство из них были физически и психически больны и поэтому они либо не желали, либо не были способны выполнять свои материнские обязанности. Редкими были случаи, когда они рожали детей в условиях распространения моды на корсеты среди татарских дам из Касимова [Мостакаев, с. 548–550], [Н. М., с. 391–401].

Под женской модой понималась не только одежда. Если верить современным татарским критикам, то татарам, как мужчинам, так и женщинам, в целом нравилось бездумно следовать некогда появившимся социальным, культурным и даже экономическим проявлениям «моды». Восприимчивость (*täqlidcelelek*) к чужому была настолько распространена в среде татар, что стала приобретать характер национальной черты. Если кто-то что-либо делал или совершал, остальные делали это бездумно вслед за ним, уверенные в правоте своих действий, не найдя в себе силы оценить преимущества или недостатки совершаемого действия, не думая о смысле или глупости. Например, мишари свою тягу к европейским и русским обычаям и нравам расценивали как убедительное доказательство превосходства [Бәшири, с. 173–175]. При этом каждый из них стремился быть лучшим или первым в подражании. Это «неуклюжее» следование моде было характерно для образа мышления и поведения не только мишарей, но и других татар-торговцев. Во многом благодаря этому они себя считали более культурными (*mädänijätli digän ta'ifä*):

Некоторое время назад все составляли и издавали буквари. Затем стали издавать таджвид Корана, а затем – исторические сведения о событиях различного формата, составляли большое количество трактатов по основам вероубеждения, исламской догматике и условиям веры, благодаря которым они себя рекламировали. Эта напасть теперь дошла и до газет. Все они, «деятели культуры», стали редакторами газет. Молочники, пекари, угольщики, сапожники – все они теперь стали редакторами. И не надо думать, что все они писали о своем собственном регионе. Они муссировали, как правило, одни и те же темы – проблемы Государственной Думы [Эстәрлетамак башкорты, с. 1–2].

С учетом этого неудивительно, что любовь татар к сплетням находила свое подтверждение. Они любили произносить пространственные речи, не

слушая друг друга и не делая при этом ничего (действия не следовали за словами):

Если в татарских деревнях есть вещи, которые прогрессируют в большей степени, так это разговоры и болтовня [Бәкер, с. 3–4]

А в апреле 1914 года в газете «Ил» по случаю запланированного учреждения премии им. Г. Тукая⁹ годом раньше можно было прочитать:

Это правда, мы (татары. – М. Ф.) любим вообще поговорить. У нас решение любой проблемы предполагает составление плана и каждая задача в нем – это все пустые речи [Әхмәди].

Файзрахман Жахандаров, работавший в Алма-Ате в 1910 году учителем, подтверждает подобное состояние дел и называет следующие негативные последствия:

Здесь очень модно произносить длинные речи и снимать сливки. По этой причине жители (татары. – М. Ф.) не доверяют друг другу [Жахандаров].

Стремление быть в центре внимания, быть наиболее уважаемым и влиятельным и посвящать себя только собственным делам, что подтверждали и критиковали многие современные критики,¹⁰ рассматривалось как главная причина того, что никто не был готов действовать во благо общества – «и именно это являлось признаком невежества» [Я].

По мнению многих современных татарских критиков, в качестве дополнительных причин возникновения разногласий среди татар выступал широко распространенный местный патриотизм, проявлявшийся, в зависимости от форм проявления эгоцентризма, в пренебрежении по отношению к жителям других районов. Такое сознание, основанное на землячестве, часто, но не всегда, сопровождалось культурными и религиозно-мировоззренческими различиями, о которых заявляли различные субэтнические группы татар в целях проведения бо-

⁹ Намерение учредить премию имени поэта Габдулы Тукая в его честь было реализовано лишь в 1946 году, спустя 33 года после смерти поэта, по случаю официальных торжеств в честь празднования 60-летия со дня его рождения (см. об этом: [Фридерих, с. 95–96].

¹⁰ Ср. у Рахима Теляшова [Теляшов]. Это стремление было якобы широко распространено и среди татарских мулл, каждый из которых хотел быть единственным великим, единственным «духовным наставником» [Ногайский].

лее четких разграничений. Это, конечно, проявлялось более отчетливо там, где собрались люди различного регионального происхождения, в частности в диаспоре.

Особенно ярко это проявлялось в отношениях между казанскими татарами и мишарями, как отмечал Е. Малов в 1885 году относительно состояния дел в татарских субэтнических регионах, отличавшихся обоюдным неуважением их жителей друг к другу (ср. у Роберта Герачи: [Geraci]). Названные субэтнические группы имели между собой заметные разногласия, если они проживали совместно в диаспоре в одном и том же регионе. В татарской прессе в качестве причин таких разногласий и отсутствия единства татар называлась совокупность часто с трудом стиравшихся различий как географического, так и религиозно-мировоззренческого характера. При этом мишари, как правило, были представлены как «более продвинутая» группа, которая развивала и защищала татарские школы с новой методикой преподавания и в более открытой форме, чем казанские татары, противопоставляла себя русскому языку и русской культуре.¹¹ Трудно судить, соответствовало ли данное мнение действительности, и если да, то в какой степени.

Тезис о том, что мишари занимали доминирующее положение, мог найти подтверждение, по крайней мере, в Сибири и на Дальнем Востоке, откуда из отдаленных мест в течение нескольких лет поступали подобные сообщения, например из небольшого города Зея, расположенного между Читой и Хабаровском [Гаффар], из Благовещенска на Дальнем Востоке [Вахит, 1910, № 618] и из Хайлара в Маньчжурии [Котлыахмэдов].

То, что в разногласиях между мишарями и казанскими татарами в Сибири и на Дальнем Востоке важную роль играли скорее религиозно-мировоззренческие взгляды, нежели вопросы регионального происхождения, косвенно подтверждается тем, что из Центральной Азии

сообщений о спорах между этими двумя субэтническими группами не поступало. В Центральной Азии подобные столкновения должны были бы начаться с вопросов о региональном происхождении – чего не было в действительности, поскольку там среди татар не проявлялись религиозно-мировоззренческие разногласия. В некоторых письменных сообщениях зафиксированы разногласия между казанскими татарами и мишарями, представленными в качестве прогрессивной группы, и местными мусульманами, прежде всего «узбеками», реже туркменами и «таджиками», охарактеризованными как консервативно и даже порой реакционно настроенными.¹²

Хотя данная тема и не стала предметом обсуждения в татарской и узбекской прессе, тем не менее было установлено, что и в Центральной Азии было сравнительно большое число татар, которые как до, так и после Октябрьской революции выступали за прогресс, среди которых большую часть составляли мишари. Была ли важной для того или иного индивида его субэтническая принадлежность и в какой мере, либо в каких аспектах она управляла его действиями, это другой вопрос, если он вообще является вопросом, на который можно ответить лишь в отдельном случае.

Однако разногласия характеризовали не только отношения между мишарями и казанскими татарами, они были широко распространены в обеих группах. Так, например, о ситуации в Павлодаре, Северном Казахстане, где в начале 1910-х годов проживало около 1700 мусульман, подавляющее большинство из которых составляли татары, можно прочитать следующее [Вахит, 1912, № 1000]:

В нашем народе нет единства (*xalqymyždä ittifaq juq*). Они (татары. – М. Ф.) всегда разделялись (*da'imän ike jaqly bulub toralar*), что проявляется в том, что они говорят, ты – мишарин, но мы – из Тюмени,¹³ ты – из Тюмени, а мы – мишари. И отто-

¹¹ В этом отношении имеются и высказывания Малова: «На самом деле мишари гораздо умнее, чем татарские мусульмане; они более добродушны и более благосклонны к другим» [Geraci, с. 179]. В сравнительном плане отмечается более позитивное отношение русских к мишарям, чем к казанским татарам, что объясняется прежде всего тем, что у мишарей национальные (националистические) мысли, будь то мишари или татары вообще, находили распространение в меньшей степени, чем у казанских татар.

¹² Оба названия «узбеки» и «таджики» приводятся здесь в кавычках, поскольку названные народности еще не существовали в начале XX века как нация в западном и советском понимании и поэтому не могли быть использованы в качестве этнонимов.

¹³ Вероятнее всего, под наименованием «Тюмень» здесь не подразумевается одноименный город в Западной Сибири, а небольшой городок Темников в Тамбовской губернии (ныне Республика Мордовия), который по-татарски также именуется как Тюмень. Ср. воспоминания писателя Амирхана Еники о языковых и культурных особенностях татар из Тюмени

го, что они не могут сдружиться друг с другом, они не могут найти хорошего учителя в медресе [Берэу].

В первую очередь вопрос о назначении учителей и мулл разделил татар, эмигрировавших в Сибирь, на две группы и породил массовые разногласия в казахских степях между местными татарами и казахами.¹⁴ Данный факт отчетливо свидетельствует о том, что противостояние культур, характерное для общественной жизни татар начала XX века, между традиционалистами (кадимистами) и модернистами (джадидами) не ограничивалось вопросом о татарском происхождении, а усиливалось также и в диаспоре.

В советское время по очевидным причинам отсутствуют письменные документы о разногласиях между татарами из-за вопроса о региональном происхождении. Однако из бесед и интервью, проведенных в 2002 и 2003 годах с татарами, живущими в Узбекистане, становится ясно, что различие местного и регионального происхождения еще очень четко выражено. Оно проявляется даже в том случае, когда родитель уже покинул родину, а дети родились и выросли в Узбекистане. Очевидно, что и в советских условиях различие между мишарями и казанскими татарами было четко выражено и по-прежнему существовало снисходительное отношение к представителям другой субэтнической группы. Если в досоветское время прежде всего мишари позиционировали себя как «лучшие татары» и таким образом косвенно выражали свое презрение к казанским татарам, то в советское время «ведущую» роль в татарской среде получили казанские татары. Причина смещения центра доминирования может быть в том, что при создании Татарской АССР все территории, населенные мишарями, остались за пределами АССР, что усложняло общие условия для мишарей, оставшихся без национальной автономии, и одновременно усиливало

/ Темникова, отличавших их как от мишарей, проживавших там поблизости, так и от казанских татар, а также о миграции многих татар оттуда в южную часть Приуралья в конце XVIII века [Еники, 2003, с. 7, 15, 78–79].

¹⁴ О разногласиях и спорах по данному вопросу между эмигрировавшими татарами в Хабаровск см.: [Вақыт, 1908, № 296], в Красноярск [Вақыт, 1912, № 966]; между эмигрировавшими и местными сибирскими татарами в Томской области [Вақыт, 1912, № 965]; между татарами и казахами в Семипалатинске [Вақыт, 1909, № 549], в Усть-Каменогорске [Вақыт, 1909, № 558], в Алма-Ате [Вақыт, 1910, № 681].

положение казанских татар. Мишари в Ташкенте и Самарканде неоднократно жаловались, что даже в советские времена казанские татары не считали их равноправными согражданами. Наиболее четко эти обстоятельства были сформулированы директором государственного археологического музея Самарканда в отставке, родители которой были родом из села Азеево (Эже) Рязанской губернии:

<...> Что и как мне объяснить, когда мы (мишари и казанские татары. – М. Ф.) жили в одном месте, сообщая, когда казанские татары не любят нас, они не любят нас и называют нас людьми второго сорта, вторым сортом. Я не могу понять этого, я не могу понять, почему мы должны быть татарами второго сорта – татарами второго класса, еще, когда я была маленькой, я не могла понять, почему мы должны быть татарами второго сорта. Позже я много читала и изучала, а затем поняла, что мы только в XVI веке приняли ислам <...>.¹⁵ [Интервью с директором Самаркандского музея 9 ноября 2012 г.].

Мне неизвестно, насколько широко распространена и признаваема среди мишарей точка зрения, имплицитно представленная в процитированном интервью и сформировавшаяся, по видимому, вместе с представлением, что мишари «обязаны» своим происхождением процессу довольно поздней исламизации народов не-тюркского происхождения. И такое представление приводило в некотором роде к дискриминации их со стороны казанских татар.

В пользу существования связанных с различным региональным происхождением разногласий между татарами в советские времена свидетельствует тот факт, что после распада СССР жалобы на такое положение дел все чаще доводились до сведения общественности. В од-

¹⁵ «Татары», представлявшие правящий слой населения Касимовского ханства, основанного в середине 1450-х годов, были к тому времени уже мусульманами, на что указывает имя их первого правителя Хана Касима, умершего примерно в 1469 году. Утверждение, что мишари приняли ислам лишь в XVI веке, верно лишь в том случае, если оно относится не к ним, а к финно-угорским племенам, известным под названием «мишэр», представлявшим большую часть населения на севере Касимовского ханства и в конце XV века подвергшихся «татаризации» в языковом плане и исламизации в религиозном плане (ср. обзор различных тезисов на тему этногенеза касимовских татар: [Йосыпов], [Шәрифүллина, 1991]; ср. высказывания по вопросу об этногенезе у мишарей в общем: [Мухамедова, с. 11–32], [Баязитова, с. 3–6].

ной из первых появившихся в постсоветский период статей, посвященных непосредственно вопросу о «характере татарского народа», после краткого перечисления положительных характеристик татар дается следующая критика:

Однако вызывает беспокойство наша неспособность ладить между собой. <...> Когда это не связано с представителями других национальностей <...>, отношение татар между собой характеризуются недоброжелательством <...> [Мицнебаев, с. 157].

В пяти номерах самой распространенной газеты на татарском языке «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана») в апреле 1990 года была опубликована статья с многозначительным названием «Еще раз о народе, его характере и „жертвенном агнце“» [Госманов, с. 432–471]. Ее автор, уважаемый татарский историк Миркасым Усманов, сначала критически анализирует смысл и использование термина «народ» и характеризует его как в прошлом, так и в настоящее время как «политический фетиш». Затем он язвительно выступает против явно проявляющегося уже в то время прославления татарской самобытности, против попыток приукрашивания «татарского народа» и заявляет:

Если вы хотите назвать присущие нашему национальному характеру факты разногласия, эгоизм и даже продажность просто явлениями прошлого, то пожалуйста, однако примеры этому можно привести и из недавнего времени [Госманов, с. 441]¹⁶.

В конце 1990-х годов, по крайней мере, татарским диаспорам в Москве и Ташкенте было четко заявлено, что причиной этих разногласий и вытекающей из этого неспособности к единению является широко распространенная тенденция к делению на землячества, высокомерное отношение друг к другу. Расим Акчурин, родившийся в 1931 году в п. Зангиата под Ташкентом, ставший генералом Советской армии,¹⁷

¹⁶ Первый пример, приводимый М. Усмановым, касается дискуссии об административном статусе Татарстана в октябре 1964 года: попытки превратить Татарстан из АССР в союзную республику и тем самым предоставить ему больше прав и свобод были торпедированы в основном самими татарами. Ср. с воспоминаниями писателя А. Еники, который участвовал в этой дискуссии: [Еники, 1996, с. 116].

¹⁷ Расим Сулейманович Акчурин один из членов семьи Акчуриных, занимавшей видное место в жизни татар до, во время и после существования Советского Союза. Его младший брат Ренат, будучи одним из

отметил в интервью, которое он дал будучи председателем совета Татарской национально-культурной автономии г. Москвы и Московской области в конце 1990-х гг., журналисту Ягсуфу Шафикову:

Но одно мне не нравится вообще: попытка разделить татар на «наших» и «не наших», на «чистых» и «не совсем чистых». Это явление особенно сильно проявляется в Москве. Некоторые «личности» разделяют здесь татар (по их происхождению. – М. Ф.) на пензенских, нижегородских, касимовских, поволжских и уральских мишарей [Шафиков, с. 112]¹⁸.

На разногласия между татарами, объединенными в Татарском центре Ташкента, а также в «Безнең мирас» («Наше наследие»), татарской редакционной коллегии государственного телевидения Узбекистана посетовала в конце 1990-х годов также и глава представительства Республики Татарстан в Узбекистане¹⁹ Умида Латыповна Сабирова:

К сожалению, наши соотечественники, объединенные в Татарском центре Ташкента, не дружат друг с другом. Всегда существуют ссоры и споры самых разных видов. В течение четырех лет (лето 1998) они не смогли решить проблему выбора нового председателя центра [Сабирова]²⁰.

Хотя Умида Латыповна не говорит об этом явно, но в конфликтах как в Татарском центре, так и в татарской редакции телевидения в дополнение к выраженной личной вражде играла и играет роль взаимная неприязнь между мишарями и казанскими татарами, в которой я мог убедиться сам во время трех визитов в Ташкент в 2002 и 2003 годах, даже не пытаюсь специально выяснять это.

Как мы видим, татарские авторы в начале XX века делали многочисленные и подробные заявления об особенностях характера своего народа, которые они считали отрицательными и, следовательно, вредными для дальнейшего существования и развития татар. Положительные и похвальные характеристики приписыва-

ведущих кардиохирургов в мире, 6 ноября 1996 года делал операцию на сердце тогдашнему российскому президенту Б. Ельцину.

¹⁸ О разногласиях между московскими татарами см.: [Әхтәмжан].

¹⁹ Из-за своего неясного или противоречивого статуса Республика Татарстан не может иметь официальные «посольства» за границей, а только «представительства».

²⁰ Ср. также: [Азиханов, 1995].

ются татарам с начала XX века лишь ретроспективно, у комментаторов-современников они почти полностью отсутствуют. Трудно судить, связан ли этот недостаток с тем, что авторы того времени были убеждены в отсутствии таких качеств или они считали их настолько само собой разумеющимися, что они не стоят и упоминания. Однако, безусловно, не следует отвергать все положительные черты, которые отмечались в советское время и постсоветский период как татарами, так и не татарами, а также рассматривать данные характеристики как простое высокомерие, вдохновенное вновь пробужденной национальной гордостью, они должны иметь историческое подтверждение, датируемое, по крайней мере, до XIX века, а в некоторых случаях, безусловно, намного ранним временем.

Ссылаясь на русское издание Брокгауза 1902 года, советский социолог и историк Старовойтова наделяла татарских рабочих, живших на рубеже XIX и XX веков, такими качествами, как «добросовестность», «выносливость», «серьезность» и «аккуратность» [Starovoitova, с. 55].

Эти положительные черты называются также в многочисленных постсоветских изданиях как самими татарами, так и не татарами. Например, журналист Айрат Ибрагимов сообщал в середине 1990-х годов из Тамбова о восприятии проживающих там татар местным русским большинством:

Название «татары» ассоциируется и приравнивается к честности, аккуратности и усердию в работе [Ибрагимов, с. 3].

Председатель Государственного совета Республики Удмуртия, находящейся на северо-востоке от Татарстана, А. А. Волков, перечислил в конце 1990-х годов в интервью упомянутые качества почти буквально как характерные для татар, добавив лишь, что татары являются «хорошими руководителями, что проявляется, в частности, в том, что многие организации и компании в Удмуртии управляются татарами» (цит. по: [Шәфиқов, с. 54]).

Таковую же характеристику получали проживавшие в начале XX века в предгорьях южного Урала и окрестностях Кукчетау, на северо-западе казахской степи, мишари, происходившие в основном из Пензенской губернии ([Әхмәтжанов], [Салахов, с. 244]).

В 2000 году в Республике Адыгея на Кавказе насчитывалось приблизительно 4000 татар, и

отмечалось, что они отличаются прежде всего присущей им «железной дисциплиной», «воспитанностью», «трезвостью» и «основательной образованностью», а также своим «чувством долга» [Шәфиқов, с. 92].

В ретроспективе и советские татарские рабочие в Москве 1920-х и 1930-х годов также представлены в качестве образцовых представителей традиционных татарских добродетелей, упомянутых выше:

Продолжая традицию ревностного отношения к службе и веря в создание прекрасной жизни для всех народов, татары, независимо от того, где они работают, выполняют свой долг на совесть и успешно [Нәжипова, с. 114].

Насколько эти атрибуты были верными в прошлом или являются верными в настоящее время, то есть могут иметь претензии на универсальность, проверить трудно. Примечательно, однако, что все известные нам материалы, которые подтверждают эти характеристики татар, происходят из регионов, расположенных за пределами Татарстана. Одно из возможных объяснений этого факта может заключаться в том, что татары в среде, в которой они не составляли большинства или, по крайней мере, по имени не являлись «государственной» нацией, в большей степени культивировали вышеупомянутые характеристики, чтобы обеспечить свое существование как индивидуума или как локальной, региональной или определяемой как национальной группы и возможность своего процветания.

Толерантность и способность к адаптации – две другие национальные черты, которые татары постсоветского времени используют для собственной характеристики, а также подтверждаются другими [Гильфанов, с. 115–116], [Сафин, с. 42–44, 57, 71], [Kosach]. Даже больше, чем ранее упомянутые «усердие» и «добросовестность», такие качества, как «толерантность» и «адаптивность», являются незаменимым условием для мирного сосуществования различных народов и особенно для народов или национальностей, которые, как и татары, живут не компактно, на одной территории, а разбросанно, между другими народами. Поэтому неудивительно, что тот факт, когда многим татарам, живущим в диаспоре, долгое время удавалось выдерживать конкуренцию и процветать, объясняется их мастерством избегать «сурового экономического соревнования» и «межэтнических трений», а также достигать компромиссов

[Kosach, с. 55]. Татары, по крайней мере в диаспоре, выполняют, таким образом, все важные характеристики меньшинства-посредника [Wopasich, с. 586]. Благодаря своей истории, культуре и языку, они прямо-таки предопределены для посреднической роли между Западом и Востоком [Сафин, с. 65]. В начале XX века они выполняли бы эту роль как «имперские цивилизаторы» [Kosach, с. 58], а на будущее, согласно «Моральному кодексу татар», опубликованному в 1997 году и состоящему из 12 пунктов, татары призываются к тому, чтобы ладить со всеми народами и выступать не только в качестве носителей культуры, но и культурных посредников [Татарның эхлакый кодексы, 4, 12 пункт].

Однако способность к адаптации несет в себе опасность ассимиляции. Не только частые призывы к татарам, звучащие с конца 1980-х годов, что они, независимо от того, где они живут, должны сохранять свой язык, культуру, традиции и обычаи (ср.: [Татарның эхлакый кодексы, 2 пункт], [Салихова, с. 6]), подтверждают, что татары, намеренно или непреднамеренно, быстро или легко ассимилировались. Готовность к ассимиляции, понимаемая как задача собственной идентичности и, следовательно, как негативное и подлежащее критике явление, также прямо признается как широко распространенная среди татар черта:

Татарский человек быстро поддается ассимиляции. Он очень быстро забывает свою национальность, свой язык, свою культуру и свою литературу [Теляшов, с. 3].

Ассимиляция в среде другого народа, представляющего собой большинство и / или являющегося более «престижным», в советское время достигла среди татар своей кульминации. Однако она проявлялась и ранее.

Уже в середине XIX века путешественники из Европы, посетившие Поволжье, констатировали, что среди татар, живущих там, больше нет «подлинной национальной татарской хозяйственной экономики» и что все уже «затронуту европейской культурой» [Haxthausen, Bd.1, с. 474–475]²¹. С северных и восточных ок-

²¹ Однако Гакстхаузен оставил открытым вопрос о том, что подразумевается под «настоящим национальным татарским хозяйством». Это именно те особенности татар, которые понимаются им как принятие западной культуры, такие как выставление цветочных горшков даже «перед окнами самых жалких хижин», которые Гакстхаузен представляет

раин казахской степи в начале XX века поступали сообщения, в которых содержались жалобы на то, что татары, переехавшие туда, в значительной степени потеряли свой язык и культуру и «казахизируются»²². Готовность перенять русский язык и культуру со стороны татар в Сибири была подвергнута критике уже в середине 1910-х годов [Гаффар].

По Средней Азии нет сообщений ни до, ни после Октябрьской революции о том, что татары, живущие там, ассимилировались с местным большинством населения. С другой стороны, принятие русского языка, а также многих аспектов западной и русской культуры татарами в Центральной Азии является хорошо документированным и часто критикуемым фактом.

Последней, абсолютно положительной чертой, которую татары в постсоветский период обычно представляют как характерную для татар в целом, является то, что они придают большое значение получению знаний и образования. В многочисленных статьях и мемуарах содержатся такие высказывания, как «для наших людей в Каргалы²³ стремление к образованию всегда было типичным» [Еники, 2003, с. 47, 63] или «книги всегда занимали почетное место в нашем доме (в Каттакургане, Узбекистан. – М. Ф.) [Азиханов, 1994, с. 6]. В этом контексте также делается ссылка на татарскую поговорку: *Китансыз йорт – ишэк абзары. – Дом без книг – это сарай для ослов.*²⁴ Хотя утверждение о том, что татары всегда были заинтересованы в получении образования и знаний, ввиду многочисленных жалоб в татарской прессе в начале XX в. о несостоятельности системы образования у татар,²⁵ на первый взгляд

и понимает, как «легкий, но значимый знак культурных способностей» татар [Haxthausen, с. 481].

²² О татарах в Павлодаре см.: [Надиршин], [Дибердиев]; в Кёкпекти, к северо-западу от озера Зайсан, см.: [Сибирядэн бер күренеш]. О лингвистически и культурно полностью «казахизированных» татарах в округе Мори, Восточный Туркестан см.: [Татарларның кыскача тарихы, с. 71–80].

²³ Здесь речь идет не об известном татарском пригороде Оренбурга, а об одноименном, основанном татарами из небольшого городка Темникова / Тюмень в окрестностях Белебея в сегодняшней Башкирии.

²⁴ Существует немало подобных татарских пословиц на эту тему. См. например: http://tatartelem.blogspot.ru/p/blog-page_95.html

²⁵ Эта жалоба, вероятно, основана на представлении, восходящем к мнению о том, что того, что было достигнуто, недостаточно, и которое вряд ли можно

кажется неубедительным, однако ему нельзя отказать в относительной правдивости. Жажда знаний и стремление к знаниям как национальная черта татар оговаривались татарскими авторами примерно с 1910-х годов. Тот факт, что татары не только начиная с этого времени занимали лидирующие позиции в отношении грамотности, уровня образования и профессиональной квалификации среди «мусульманских народов» Российской империи, а затем и Советского Союза, доказывает большое количество татарских учителей, которые с конца XIX века работали в казахской степи и в Средней Азии (см. подр.: [Kappeler, с. 474–477], [Noack, с. 53–57], [Martin, 2001, с. 127–130], [Sultan, с. 264–266], [Vucinich, с. 426], [Armstrong]).

Наконец, следует упомянуть еще один пункт, который татары, особенно в постсоветский период, часто напрямую связывают с татарским национальным характером, – «разбросанность» татар. Тот факт, что существуют большие по количеству и географически разбросанные общины татарской диаспоры, представляется важной составляющей татарского сознания. Это становится очевидным, например, в длинной поэме «Кто мы?» (1998), первая часть которой под названием «Татары» начинается следующим образом:

По всем континентам разбросаны, / разбросаны татары; // От Татарского пролива, / до Парижа, / В Турции, в стране финнов, / и в Литве есть татары; / В Румынии, в Польше / В Белоруссии есть татары, / В Сибири, на Урале, / И в Симбирске есть много татар. // На Алтае, в Китае, в Тарбагатае, // <И> на Кавказе есть много татар; / Также в Средней Азии их очень много, / Где нет татар? / В Самаре, Саратове, / В Сергаче, в Оренбурге), / И в Волгограде есть татары <...> [Саттаров-Муллилле, с. 76].

В указанном контексте более важное значение, чем подобные, в буквальном смысле нерифмованные, лирические заявления, безусловно, имеет «Татарский моральный кодекс», опубликованный в 1997 году, включающий двенадцать пунктов. В его составлении приняли участие ведущие татарские интеллектуалы, такие как историк Миркасым Усманов, поэт Разиль Валиев и политик Рашит Ягфаров. Он содержит три пункта, которые имеют особое значение для людей, живущих не там, где их этническая группа или национальность составляет **большинство населения**:

опровергнуть, что может, должно или нужно быть лучше.

2. Татарин!²⁶ Независимо от того, где ты живешь, не забывай свое место среди других народов и знай свою ценность. Почитай свои исторические традиции, и нравы, и обычаи своих предков, храни свою веру.

4. Татарин! Гордись тем, что ты можешь жить в мире и согласии со всеми народами на этой земле. Для тебя все народы равны. Но не забывай, что, когда ты считаешь других, ты тоже достоин почтения.

10. Татарин! Не забудь, что человеческий мир, к сожалению, несовершенен. Народы все еще делят на категории и сталкивают друг с другом. Будь готов выйти на арену борьбы, если кто-то позволит себе подвергнуть сомнению нашу татарскость! [Татар эхлакый кодексы].

Как уже говорилось, данная статья не является попыткой описать вневременной и всеобъемлющий татарский национальный характер или даже его конструировать. Такая попытка, конечно, не увенчалась бы успехом. Не следует также утверждать, что представленные здесь характеристики относятся исключительно к татарам, характерны только для татар. Прежде всего положительные характеристики, которые были определены как характерные для татар, не только теоретически, но и практически настолько универсальны, что могут быть использованы большинством людей независимо от их национальной принадлежности как для отдельного индивидуума, так и народа²⁷. Так, армянам в Средней Азии в конце XIX и начале XX века приписывали те же свойства, какие утверждались и для местных татар: «любящие работу», «предприимчивые», «владеющие языком» (то есть знание местного языка (языков) и русско-го) [Григорьянц, с. 124, 138].

При всей относительности, которая, несомненно, в данном случае имеет место, изучение вопроса о национальных чертах характера татар вовсе не является бессмысленным. Даже если «национальный характер» понимается просто как базирующаяся на мировоззрении конструкция самоутверждения и самокритики, эта конструкция может быть полезной если не

²⁶ Обращение касается как мужчин, так и женщин. Необычное выражение «Татар кешесе», вероятно, используется здесь, чтобы подчеркнуть, что обращение адресовано к представителям обоего пола.

²⁷ Ср., напр., с наблюдениями Мэри Уотерс в ее исследовании идентичности иммигрантов из разных этнических групп в США в начале 1980-х годов: [Waters, с. 134].

для объяснения, то для лучшего понимания культуры и истории народа.

Национальные особенности обычно более выражены у всех народов, проживающих вдали от родины, чем на родине. Как уже указывалось, характеристики, присущие татарам, как негативные, так и позитивные, сильнее проявляются у членов татарской диаспоры. Например, публикации, такие как монография «Татарские ученые за пределами Татарстана» (2000) [Бәдретдинов]²⁸, свидетельствуют о том, что жажда знаний и усердие в учебе среди татар в диаспоре имели более важное значение, чем у проживавших в Татарской АССР. Это предположение представляется правдоподобным, поскольку для татар за пределами Татарстана квалификация с помощью образования представляла собой одну из немногих возможностей для общественного роста и социального престижа и тем самым также для материально-го благополучия.²⁹

Вопрос о том, следует ли оценивать черту характера как положительную или отрицательную, часто невозможно решить однозначно. Так, характеризующее татар «стремление (каждого отдельного человека. – М. Ф.) всегда и во всем занимать ведущую позицию» [Теляшов], привело, с одной стороны, к внутренним разногласиям среди татар, на которые часто сетуют, и тем самым не способствовало чувству солидарности и взаимосвязанности татар, но с другой стороны, это также можно рассматривать как одну из причин того, что многим татарам как отдельным личностям удалось обеспечить более высокое социальное положение, благодаря чему, как это случилось в Средней Азии, усилилось восприятие татар в целом местным населением как отдельной группы. Таким образом, было обеспечено дальнейшее существование татар в качестве независимой «группы», которая характеризовалась не внутренней когерентностью, а внешней атрибуцией, и, таким

образом, были созданы предпосылки для того, чтобы возникла и существовала «группа людей татарского происхождения», которая в середине 1960-х годов еще достаточно робко, а с конца 1980-х годов усиленно³⁰ начинает определять себя изнутри на национальном уровне, то есть вновь открывать в себе свою «татарскость» и наполнять ее жизнью.

Литература

- Азиханов Р.* Татары в Каттакургане // Татар иле. 1994. Сентябрь. № 30 (100). С. 6.
- Азиханов Р.* Память аксакала // Татар иле. 1997. Январь. № 4. С. 6–7.
- Галлямова А. Г.* Кризис национальной самоидентификации татар в 40–70-е годы XX в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции в 3 т. (9–13 июня 1992 г., Казань) / Редколлегия: М. Х. Хасанов (председатель), Э. Р. Тенишев, М. З. Закиев и др. Т. 3. М.: Инсан, 1992. С. 96–98.
- Гильфанов Р.* Татарская диаспора // Татар иле. 1996. Декабрь. № 45–46 (115–116). С. 7–8.
- Григорьянц В.* Из истории армян в Туркестане // Диаспора. 2000. № 1–2. С. 120–144.
- Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Казань: Российский исламский университет, 2008. 675 с.
- Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Фридерих М.* Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 343 с.
- Азиханов Р.* Мәдәни үзәкнең мәшәкатләре // Татар иле. 1995. Апрель. №10.
- Әхмәди.* Тукаев стипендиясе // Ил. 1914. 27 апрель. № 25. 1 б.
- Әхмәтжанов М.* Бер төбәктән өч генерал // Мирас. 1996. № 11. 55–62 б.
- Әхтәмжан Ә.* Мәскәү татарлары // Татар иле. 1997. Ноябрь. № 43 (256). 4 б.

²⁸ Насколько мне известно, книга, к сожалению, не имела своего продолжения.

²⁹ В этом отношении также существуют четкие параллели между татарами и армянами: когда после Октябрьской революции частная торговля, один из самых важных видов деятельности армян в Средней Азии, была ограничена, а с конца 1920-х годов невозможна, дети бывших купцов стали преимущественно (часто выдающимися) представителями гуманитарной и технической интеллигенции, например, врачами, инженерами, экономистами (ср. [Григорьянц, с. 137], [Еники, 2003, 140–141 б.]).

³⁰ В 1963 году в Ташкенте впервые с 1930-х годов отпраздновали татарский национальный праздник «Сабантуй». О причинах, которые привели к тому, что празднование Сабантуя после 1967 года было вновь прекращено, я получил от татар в Ташкенте разные сведения. О трудностях и в значительной мере невозможности культивирования национальной татарской культуры в Узбекистане между серединой 1930-х годов и концом 1980-х годов см., например, высказывания узбекского писателя Сулеймана Азимова (род. в 1910 г.), которого трудно подзревать в татарском национализме: [Азиханов, 1997, с. 6–7]. По этой проблематике у сибирских татар см.: [Галлямова, с. 97–98].

- Баязитова Ф. С.* Татар-мишәр рухи мирасы: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. Саранск, 2003. 285 б.
- Бәдретдинов Х.* Татарстаннан читтәге татар галимнәре. Казан; Йошкар-Ола: Мар. полигр. нәшр. комб., 2000. 208 б.
- Бәкер К.* Авыл мәктүбләре // *Вакыт*. 1911. 29 июль. № 819. 3–4 б.
- Бәшири З.* Мишәрләр (V) // *Шура*. 1910. № 6. 173–175 б.
- Беляшов А.* Татарлар Төркестанда // *Шура*. 1914. № 16. 494–496 б.
- Берәү.* Павлодар // *Вакыт*. 1910. 28 октябрь. № 686. 3 б.
- Гаффар С.* Амур вилаятеннән // *Вакыт*. 1916. 22 июнь. № 2052. 4 б.
- Госманов М.* Үткәннән – килчәккә: татар мәдәнияте турында мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. 472 б.
- Дибердиев М. К.* Павлодар (казакча Керәкәү) // *Вакыт*. 1908. 5 гыйнвар. № 264. 2 б.
- Еники Ә.* Кояш баер алдыннан (публицистик мәкаләләр). Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 192 б.
- Еники Ә.* Соңгы китап // *Еники Ә. Әсәрләр: 5 томда: 4 т.* Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.
- Жаһандаров Ф.* Хатыннар мәгыйшәтеннән // *Вакыт*. 1910. 24 август. № 659. 3–4 б.
- Жаһандаров Ф.* Алмата мөселманнары хәленнән // *Вакыт*. 1910. 16 октябрь. № 681. 3–4 б.
- Ибраһимов А.* Тамбов урманнары чынлыгында // *Татар иле*. 1996. Ноябрь. № 44 (209). 3 б.
- Йосыпов Ф.* Россия татарлары. Касыйм татарлары // *Мирас*. 2003. № 7. 63–74 б.
- Кәримуллин Ә.* Исемебез һәм жисемебез. Казан: Тат. кит. нәшр., 1991. 160 б.
- Котлыәхмәдов Ә.* Хайлар // *Вакыт*. 1906. 31 октябрь. № 93. 3 б.
- Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казань, 1885. 264 б.
- Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 415 б.
- Миңнебаев Т.* Татар халкының холкы: икътисадый тамырлары, сәяси тормышта чагылышы // *Казан утлары*. 1991. № 10. 155–159 б.
- Мода иле көрәш жәмгыяте* // *Вакыт*. 1916. 22 июль. № 2052. 2 б.
- Мостакаев К.* Касыйм мөселманнары һәлакәт алдында // *Шура*. 1914. № 18. 548–550 б.
- Н. М.* Касыйм әхвәленнән // *Шура*. 1912. № 12. 397–401 б.
- Надишин М. С.* Сибиря әхвәленнән // *Вакыт*. 1908. 27 март. № 299. 4 б.
- Нәҗипова К. А.* Мәскәү татарлары (20–30 нчы еллар) // *Мирас*. 1997. № 8. 112–117 б.
- Ногайский.* Эстәрлетамак шәһәре // *Вакыт*. 1911. 30 сентябрь. № 850. 4 б.
- Сабирова У. Л.* Элемтәләр ныгый һәм ныгыр // *Татар иле*. 1998. Июнь. № 22 (283).
- Сәлахов И.* Күкчәтау татарлары // *Мирас*. 1996. № 5–6. 237–244 б.
- Салихова Р.* Халкыбызның бер энже бөртеге // *Бердәмлек*. 2002. 10 сентябрь. № 37 (644). 6 б.
- Саттар-Мулла Г.* Без кемнәр? // *Мирас*. 1998. № 2 (75). 76–93 б.
- Сафин Р.* Татар юлы. Казан, 2002. 109 б.
- Сибирядән бер күренеш* // *Вакыт*. 1908. 14 февраль. № 281. 2 б.
- Татарларның кыскача тарихы.* Өремче, 1998.
- Татарның әхлакый кодексы* // *Татар иле*. 1997. Сентябрь. № 36 (249). 3 б.
- Теләшов Р.* Вологда татарлары. Үткәне һәм бүгенгесе // *Татар иле*. 1996. Июнь. № 24 (189). 3 б.
- Тукай Г.* Халык әдәбияты // *Тукай Г. Әсәрләр: алты томда: 4 т.* Казан: Тат. кит. нәшр., 2015. 161–180 б.
- Фәхретдин Р.* Сәлимә, яки Гыйффәт // («Карурманны чыккан чакта» жыентыгы). Казан, Мәгариф, 2001. 126–150 б.
- Халкым жәүһәрләре.* URL: http://tatartelem.blogspot.ru/p/blog-page_95.html (дата обращения: 10.03.2018).
- Хәкимов Н.* Безнең татар // *Мирас*. 1999. № 7. 24 б.
- Хәсәни Ә.* Миллият гасыры // *Йолдыз*. 1915. 25 Август. № 1497.
- Шарифуллина Ф. Л.* Касимовские татары. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Шарифуллина Ф.* Касыйм татарлары // *Казан утлары*. 1990. № 5. 172–175 б.
- Шәфиқов Я.* Бер күрешү – бер гомер. Казан, 2002. 112 б.
- Эстәрлетамак башкорты.* Татар гәзитәләре // *Вакыт*. 1906. 13 июнь. № 36.
- Я. Безнең хәлләр* // *Вакыт*. 1911. 23 август. № 831. 1 б.
- Жаһандаров Ф.* Хатыннар мәҗлесеннән // *Вакыт*. 1910. 24 август. № 659. 3–4 б.
- Armstrong J. A.* Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union. An Introduction, New York, 1974.
- Bonacich E.* A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*, Vol. 38 (October 1973). p. 583–594.
- Friederich M.* Ghabdulla Tuqaj (1886–1913). Ein hochgelobter Poet im Dienst von tatarischer Nation und sowjetischem Sozialismus. Wiesbaden: Harrassowitz, 1998.
- Geraci R. P.* Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia, Ithaca. London 2001, 179.
- Haxthausen A.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, [3 Teile = Bände], Hildesheim 1973 (reprint der Originalausgabe Hannover, 1847).
- Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Köln, Wien 1982.
- Kosach G. G.* A Russian City between Two Continents: The Tatars of Orenburg and State Power, in *Russia at a Crossroads. History, Memory and Political Practice*, ed. by Nurit Schleifman. London, 1998, p. 33–88.

Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalities in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca 2001.

Noack C. Die ethno-soziale Struktur der Wolgatataren nach der russischen Volkszählung von 1897. Köln, 1993, p. 53–57.

Schamiloglu U. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Šihabäddin Märçani and the Image of the Golden Horde, Central Asian Survey. vol. 9. no. 2 (1990). P. 39–49.

Starovoitova G. V. The Formation of the Dispersed Tatar Component in the Population of St. Petersburg-Leningra // Soviet Sociology 1981. 20. P. 53–75.

Sultan G. Demographic and cultural trends among turkic peoples of the Soviet Union // Erich Goldhagen (ed.): Ethnic Minorities in the Soviet Union, New York 1968, p. 251-273.

Vucinich W. (ed.). Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples, Stanford, 1972.

Waters M. C. People described values and beliefs that are very general – in fact held by most middle-class Americans – as being specific to their own, and not to other, ethnic groups // Ethnic Options. Choosing Identities in America, Berkeley, 1990.

ТАТАРНЫҢ МИЛЛИ ХАРАКТЕРЫ МӘСЪӘЛӘСЕНӘ КАРАТА

Михаэль Фридерих,

Отто Фридрих исемендәге университет (Бамберг, Алмания),
Алмания, 96047, Бамберг ш., Капуцинерштрассе ур., 16 нчы йорт,
gilyazov1958@mail.ru.

Мәкаләдә татар милли характеры мәсъләсе карала. Автор игътибары үзәгенә ана шушы чорда татарларның үзенчәлекләрен ачарга ярдәм иткән XX гасыр башы татар чыганакалары (беренче чиратта, газета һәм журнал мәкаләләре) алына. Автор милли характер үзенчәлекләрен ассызыклау һәм XX гасыр гасыр башы һәм ахырындагы күренешләр арасында параллельләр үткөрү аша татар жәмгыятендә таркаулык һәм бердәмлек булмауның сәбәпләре хакында уйлана. Шул ук вакытта милли характерның төбәк үзенчәлекләренә дә игътибар ителә.

Төп төшенчәләр: татарлар, Идел-Урал төбәге, татар милли характеры, менталитет.